

**МАРКСИЗМ
И СОВРЕМЕННОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ
ДИСКУРСА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ

ГОУ ВПО «ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

МАРКСИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ:
ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА

Сборник статей

Оренбург
Издательство ОГПУ
2008

УДК 141.8 (063)
ББК 87.3
М27

Научный редактор

*М. Н. Ефименко, доктор философских наук,
профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения
Оренбургского государственного педагогического
университета*

**М27 Марксизм и современность: особенности дискурса : сб.
статей / науч. ред. М. Н. Ефименко ; Мин-во образования и науки
Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Оренб. гос.
пед. ун-т. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2008. — 100 с.
ISBN 978-5-85859-405-5**

Сборник издан по материалам «круглого стола» «Марксизм и современность: особенности дискурса», посвященного 190-летию со дня рождения и 125-летию со дня смерти К. Маркса (1818—1883), и включает доклады и выступления ученых, аспирантов оренбургских высших учебных заведений. Книга адресована широкому кругу читателей, научных работников, студентов, интересующихся вопросами марксистской философии и современной ее интерпретации.

УДК 141.8 (063)
ББК 87.3

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Ефименко М. Н. МАРКСИЗМ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО	6
Базарова Е. О. МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ	15
Воропаев Д. Н. МАРКСИЗМ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ	24
Казеннова О. И. КАРЛ МАРКС О ЗНАЧЕНИИ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА	28
Калиева А. Т. ВЛИЯНИЕ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО	36
Кучкин Б. К. ЛУИ АЛЬТЮССЕР И ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ КАРЛА МАРКСА	43
Ломакина Л. И. «ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ» ПО МАРКСУ	52
Лыжин А. В. «КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА, ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ	59
Полшкова Л. Б. К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ	72
Свириденко И. Н. МАРКСИСТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ	81
Степанова Н. И. МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ	92
СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ МАРКСА? Обзор современной периодической литературы (авт.-сост. <i>Г. Н. Тимофеева, Е. В. Ерошенко</i>)	98
Краткие сведения об авторах	99

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Русские обладают исключительной способностью к усвоению западных идей. Но... то, что на Западе было научной теорией, подлежащей критике, гипотезой или, во всяком случае, истиной относительной, частичной, не претендующей на всеобщность, у русских интеллигентов превращалось в догматику, во что-то вроде религиозного откровения», — писал Н. А. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма».

Был ли марксизм таким «религиозным откровением», остался ли им сегодня? И стоит ли к Марксу обращаться в начале XXI века, когда кардинально поменялись социально-политические ориентиры, когда марксизм как официальная идеология, как «единственно верное» учение окончательно развенчано? Сегодня даже критика марксизма звучит достаточно редко. Однако ни один учебник по истории философии не исключает учение Маркса. Если в нашей стране его то превозносили (марксистско-ленинская философия), превращая в единственно возможную методологию научного исследования, то ниспровергали, западная философская, экономическая, социологическая мысль признала его заслуги как величайшего ученого своего времени и наследника классической традиции в развитии философии (Г. Гегель, Л. Фейербах), политической экономии (А. Смит, Д. Рикардо).

Да, многие пророчества Маркса не сбылись (крах капитализма, обнищание народных масс, мировая революция), но есть другие аспекты его общетеоретической системы, которые вызывают если не восхищение, то признание и применение. Марксистская философия истории, учение об общественно-экономической формации — это попытка грандиозного синтеза экономического и социального аспектов человеческой истории в стадийной (формационной) форме развития.

«Бунт» XX века против Маркса требует его внимательного прочтения, тогда критика его учения будет не «зряш-

ной», не данью времени, а целенаправленным последовательным изучением творчества мыслителя, оставившего заметный след в истории человеческой мысли.

Данный сборник содержит статьи, в которых совершается попытка на разных уровнях, в философском, историческом, экономическом срезе показать современное видение проблем марксистского учения.

*М. Н. Ефименко,
доктор философских наук, профессор*

МАРКСИЗМ И РУССКОЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

Вторая половина XIX века характеризуется проникновением в русскую общественную мысль философии марксизма. Хорошо известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс проявляли к России большой интерес. Так, например, в период с 1874 по 1883 год свыше 38% писем Маркса имеют темой русские дела и их влияние на международное революционное движение (6, с. 79). В списке корреспондентов Маркса можно найти многих революционных народников (Н. Ф. Даниельсон, П. Л. Лавров и др.), либеральных ученых и писателей, первых русских марксистов (Г. В. Плеханов, В. Засулич и др.). Однако проникновение марксизма в Россию заключалось не только в установлении личных связей Маркса с российскими корреспондентами. В России активно распространялись работы Маркса «Капитал», «Манифест коммунистической партии», «Анти-Дюринг» и др. Эти книги переводились на русский язык, издавались в России и в эмигрантской печати на Западе. Сочинения Маркса были известны и весьма популярны в среде русской интеллигенции.

Важно подчеркнуть, что интерес к марксизму проявлялся не только в центре, но и в провинции. Провинциальная общественная мысль сочетала в себе как теоретическое осмысление марксизма, так и попытки осуществления ряда ее положений на практике. Вот так, практически, пытались освоить марксизм и оренбургские народники. Однако в условиях 1860—1870-х годов, как неоднократно было подмечено, русские интеллигенты, читавшие Маркса, не могли его понять до конца, что затрудняло применение его идей в России. Можно полностью согласиться со словами Энгельса, что среди причин этого можно выделить, с одной стороны, социально-экономическую отсталость Рос-

сии, где «современная крупная промышленность привита к первобытной крестьянской общине и одновременно представлены все промежуточные стадии цивилизации». С другой стороны, «русская общественная мысль отгорожена от социалистических идей Запада китайской стеной деспотизма» (14, т. 39, с. 344).

Началом проникновения марксизма в Россию традиционно считается перевод на русский язык Н. Ф. Даниельсоном, М. А. Бакуниным, Г. А. Лопатиным первого тома «Капитала» и публикация его в России в 1872 году. Цензурой труд Маркса был охарактеризован как произведение «строго научное, тяжелое и малодоступное», в котором «изложения автора относятся преимущественно к формам капиталистического развития Западной Европы... его выводы не могут быть приложены к России, развитие которой совершается по-иному...» (13, кн. 1, с. 324).

Официальная оценка «Капитала» решительно разошлась с оценкой либеральной и демократической прессы, которая активно откликнулась на публикацию этого произведения. Целый ряд либеральных изданий поместил рецензии и статьи, в которых обсуждались не только отдельные вопросы, затронутые Марксом, но и давались оценки его экономической системе в целом.

Либеральная газета «Новое время» оценила «Капитал» Маркса как основу для осмысления тенденций хозяйственного развития России в период, когда «пересматривается экономическая жизнь нашего Отечества», поэтому «значение этого труда важно... для всякого образованного русско-го...» (8).

На страницах «Вестника Европы» появилась обширная статья профессора Петербургского университета И. Кауфмана, в которой ученый высоко оценил критику капитализма Маркса и пришел к выводу, что «Капитал» дает научное обоснование борьбы с капитализмом» (1).

Демократическая пресса не менее широко откликнулась на это издание. «Отчественные записки» опубли-

ковали статью Н. К. Михайловского «По поводу русского издания книги Карла Маркса», в которой отмечается своевременность выхода «Капитала». Автор статьи подчеркивает тот факт, что «Капитал» вскрывает отрицательные стороны европейской цивилизации и может оказать большую пользу в борьбе за народные идеалы (9).

Среди разнообразных откликов на «Капитал» преобладали по большей части сдержанные, но положительные оценки. Можно предположить, что причины этого заключались в том, что, с одной стороны, труд Маркса ввиду своей фактической оснащенности и идеологической убедительности был неслегок для скороспелых опровержений, а с другой стороны, различные направления русской общественной мысли использовали его для обоснования своих утверждений.

Либеральные публицисты стремились выдать «Капитал» за исключительное по основательности, но, скорее всего, только научное сочинение, за экономическое исследование, полезное даже капиталистам, так как, зная законы производства, они могли бы избежать крайностей, вызывающих нежелательные конфликты.

Рецензенты из народнической среды сразу приняли «Капитал» как сильнейшую обличительную книгу, возбуждающую ненависть к капитализму и убедительно доказывающую нежелательность капиталистических отношений в России, поскольку она еще не вступила в сферу действия тех законов, которые открыл Маркс.

Однако ни те, ни другие поначалу не поняли философско-теоретического содержания «Капитала» и связи экономического учения Маркса с другими частями марксизма. Исключение в этом составил уже упоминавшийся И. И. Кауфман. Он обратил внимание на методологию Маркса и положительно ее оценил. И. И. Кауфмана выделял из российских рецензентов и сам Маркс. Он говорил, что Кауфман единственный, кто среди путаных рассуждений о марксизме увидел суть его метода (7, т. 23, с. 21).

Конечно, газетные рецензии и журнальные статьи начала 70-х гг. не выражают полностью всего впечатления русского общества от «Капитала» Маркса, а тем более не отражают глубокую работу мысли по освоению этого труда. Гораздо значительнее по качеству освоения марксизма была полемика по вопросам экономической науки и непосредственно по трудам Маркса, взволновавшая русскую общественную мысль в конце 70-х гг. и всколыхнувшая ведущие силы отечественной экономической и социологической мысли (Зибер, Жуковский, Чичерин, Михайловский, Лавров и др.).

В народнических кругах по-разному оценили марксистское учение. Одним из первых, кто встретился с теорией Маркса, был М. А. Бакунин. Еще в 40-е годы он лично познакомился с Марксом, сотрудничал с ним в «Немецко-французских ежегодниках». Маркс привлек Бакунина горячим протестом против эксплуатации и политического гнета. Но, создавая свою анархическую теорию, Бакунин все дальше и дальше отходил от марксизма и противостоял ему.

В 1865 г. в легальной печати была дана положительная оценка работы К. Маркса «К критике политической экономии» П. Н. Ткачевым, лидером заговорщического направления народнического движения. Его привлекал «аналитико-критический метод» Маркса, используемый для анализа явлений общественной жизни, так как до сих пор известны были объективные методы естествоиспытателей, применяемые для изучения жизни народа.

Постепенно Маркс стал известен и в провинции. «Пороховая дорожка» «Капитала» бежала «среди русской интеллигенции из столиц в большие провинциальные центры, а из центров во все города...» (11, с. 21).

Книга Маркса стала известна и провинциальным народническим кружкам, среди которых был и оренбургский. «Капитал» читали С. Голоушев, П. Орлов, М. Муравский. Работы Маркса были в личной библиотеке Л. Щиголева. Нет документов, подтверждавших коллективное обсуждение произведения немецкого мыслителя, но сохра-

нились личные записи и дневники кружковцев, где они конспектировали Маркса, анализировали и даже пытались критиковать (4).

Проникновению идей марксизма в народническое сознание способствовала и деятельность русской эмиграции, некоторые представители которой связали свою жизнь с I Интернационалом и образовали Русскую секцию Международного Рабочего Товарищества. Когда секция была принята в состав Интернационала, Маркс стал постоянным представителем России в Генеральном Совете и секретарем Русской секции.

Русская секция имела обширные контакты с Россией и предпринимала частые попытки установления связей как со столичными организациями народников, так и с провинциальными кружками. Среди контактов членов секции с отдельными людьми можно выделить связь с Л. Щиголевым, членом оренбургского народнического кружка и народнической организации в Петербурге. Пока неизвестно, чьи интересы он представлял в этих контактах: только свои личные, или столичных народнических кружков, или специальной организации, но влияние Русской секции на деятельность этого народника не вызывает сомнений. Так, Л. Щиголев одним из первых откликнулся на призыв секции о создании интернациональных рабочих организаций. Используя документы I Интернационала, оренбургский народник составил план организации и работы такого рабочего объединения. Этот план предусматривал следующее:

- объединение существующих рабочих обществ в «одну национальную ассоциацию»;
- ведение пропаганды идей I Интернационала среди рабочих;
- организация и участие в стачечном движении;
- оказание материальной помощи рабочим в условиях стачки со стороны национальной ассоциации (3).

Есть предположение, что через Л. Щиголева, который пересылал корреспонденцию в Женеву, письма оренбург-

ских народников, в частности М. Д. Муравского, попадали непосредственно к Марксу. Связь Русской секции с рядом губерний России, в том числе и Оренбургской, является установленным фактом (12). Поэтому и возможно данное предположение. Установлено также, что в Оренбурге имели хождение периодические издания Русской секции. Результатом знакомства оренбургских народников с ними (журнал и газета «Народное дело») стали прокламации «агентов революционного интернационального общества» с призывом к активизации революционной деятельности (2). Можно предположить, что написание и распространение этих прокламаций стало для оренбургских народников первым шагом по выполнению призыва Маркса на Лондонской конференции I Интернационала о создании интернациональных секций в различных странах мира. Однако продолжения эта деятельность не получила, так как к осени 1874 г. почти все кружковцы были арестованы.

Возникает вопрос: что привлекало народников в теории Маркса? Что они использовали в своих идеологических построениях, а от чего отказывались? Привлекала ли народников социалистическая направленность учения Маркса? Или основное внимание уделялось его экономическому учению?

В социалистической программе оренбургских народников присутствовали и бакунинские призывы к бунту и уничтожению государства; положения Лаврова о необходимости тщательной подготовки народа к революции и марксистское представление о равенстве, как равенстве возможностей приложения творческих способностей.

Можно предположить, что социалистические идеалы у оренбургских народников были достаточно неопределенны. Однако ряд рассуждений, например, о равенстве логичны и интересны. М. Д. Муравский утверждал, что равенство при социализме не есть уравниловка в оплате труда и распределении, а есть создание равных условий для развития творческого потенциала личности. Трудно утверждать, что эти

представления предопределены изучением Маркса. К рассуждениям Маркса о коммунизме Муравский относился достаточно скептически. «Узы коммунизма» не устраивали народника, так как они, по его мнению, сковывали свободу человека, подчиняя его общественным интересам. Однако он признает, что коммунистическое общество даст больше свободы, чем «нынешнее состояние большинства людей», когда «меньшей свободой могли пользоваться разве что при совершенном рабстве» (4, л. 12).

В ходе анализа программных установок оренбургского народнического кружка установлено, что на формирование социалистических представлений оренбуржцев оказывали влияние теории социализма Герцена и Чернышевского, большим влиянием пользовались Лавров и Бакунин. Маркс же и его социалистические представления остались непонятыми; хотя под его влиянием произошли сдвиги в восприятии оренбургскими народниками классовой структуры общества, но подтверждений принятия его социалистических идеалов нет.

Существует несколько мнений по поводу степени влияния Маркса на народническую идеологию. Одно из них сводится к тому, что признается исключительно большое значение марксизма для народнической идеологии. Теория Маркса рассматривается как решающая сила, способная сама по себе, вне связи с общественной практикой оторвать мышление от старой системы категорий, в пределах которой шло развитие идей, и создать новые исходные понятия.

В документах часто встречаются фразы, означающие согласие с Марксом по ряду вопросов. Так, например, во многом с Марксом соглашались Н. Шелгунов, Н. Михайловский, П. Л. Лавров, Н. Зибер и др., но марксистами они не стали. Знание идей «Капитала» не означало перехода народников на марксистские позиции.

Провинциальные революционеры-народники видели главную силу марксизма в его чисто «экономическом анализе тех явлений современного общества, которые были связаны с положением народа. И хотя стройностью системы

и глубиной критики Маркс производил впечатление на молодежь, в революционной среде широко распространилось лишь его экономическое учение о трудовой стоимости, об отношениях между трудом и капиталом. В начале 1870-х годов никто из народников не признавал Маркса отцом научного социализма», — вспоминал один из революционеро-народников (5, с. 150).

Чтение Маркса укрепило оренбургских народников в главной цели движения — освобождение труда. Они оценили Маркса как политэконома, который дал им приемлемую для них теорию и метод анализа для понимания того, как функционирует реальная экономика.

Причинами, которые объясняли бы подобный подход народников к Марксу, на наш взгляд, являются следующие моменты. Во-первых, несмотря на широкое распространение произведений Маркса в России, многие его работы оставались неизвестными, особенно той массе народников, которая принимала практическое участие в революционном движении и «мало занималась экономическим материализмом и вопросами историософии» (5).

Во-вторых, революционеры-народники были убеждены в своеобразии русских общественных условий, они верили в возможность миновать капитализм, который несет только бедствия, в силу сохранения общинных форм организации жизни.

А в-третьих, исторически оправданная слабость рабочего класса в начальный период развития капитализма не давала возможности увидеть народникам в русском рабочем и Марксовом пролетариате одну и ту же социальную силу, которой Маркс отводил роль могильщика капитализма.

Можно утверждать и тот факт, что революционные народники не смогли принять идею «диктатуры пролетариата» и авторитаризм Маркса. Они считали, что она игнорирует интересы других социальных слоев, которые не только в России, но и в других странах Западной Европы составляли большой процент населения.

В настоящее время в исследовательской литературе все чаще проводится мысль о том, что не только в России, но и в странах Западной Европы влияние Маркса определенными политическими кругами сильно преувеличено. Сторонники этой точки зрения считают, что во времена Маркса «не было тех масс, для которых предназначалась его теория». Пролетариат шел не за Марксом, который звал к революции, а за теми «своими социальными вождями, которые обещали улучшить его материальное положение, которые решились на эволюцию демократии со всеобщим правом голоса» (15, с. 21).

В последнее время бытуют мысли о том, что сам Маркс, непоколебимо всривший в свою правоту, к концу жизни пришел к выводу, что его учение несвоевременно, что революционный переворот, к которому он призывал, потребует для своего свершения не одно десятилетие, а ему самому в обществе социализма, которое он предсказывал, места нет.

Хотя эта точка зрения достаточно спорна, но тем не менее и она заслуживает внимания исследователей жизни и творчества Маркса. Автор не ставит перед собой задачу дать оценку марксизму как общественному явлению в целом. Он лишь пытается определить степень значимости и влияния марксизма на формирование идейных позиций оренбургских народников и на их примере показать особенности восприятия марксизма русской общественностью и конкретно революционным народничеством в 70-х годах XIX века.

Нельзя и недооценивать влияния пролетарского социалистического движения на русскую общественную мысль. Под влиянием марксизма шел процесс ее эволюции, особенно народнической идеологии. Оренбургские народники прямо указывали на то, что одной из причин принципиальных изменений их идейных позиций было чтение Маркса. Соединение взглядов Маркса с представлениями о реальной народной жизни, полученными в процессе «схождения в народ», привело многих оренбургских народников к пересмотру и даже отказу от прежних форм действия (10, с. 252).

Список использованной литературы и архивных источников

1. Вестник Европы. 1872. Кн. 3.
2. ГАОО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 773.
3. ГАРФ. ОППС. Вещественные доказательства по процессу 193-х. Бумаги Перчанкина Г. К. 1.1.
4. ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1630.
5. Ковалик, С. Ф. Революционное движение 70-х гг. / С. Ф. Ковалик // Революционеры 70-х гг. Л., 1986.
6. Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия / Р. П. Конюшая. М., 1975.
7. Маркс, К. Предисловие к русскому изданию «Капитала» / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23.
8. Новое время. 1872. 23 апр.
9. Отечественные записки. 1872. № 4.
10. Революционное народничество 70-х гг. XIX в. : сб. документов и материалов : в 2 т. М. ; Л., 1964—1965. Т. 1.
11. Русанов, Н. С. Из моих воспоминаний / Н. С. Русанов. Берлин, 1923. Кн. 1.
12. Соколов, О. Д. На заре рабочего движения / О. Д. Соколов. М., 1976.
13. Сочинения К. Маркса в русской цензуре // Дела и дни. М., 1920. Кн. 1.
14. Энгельс, Ф. Письмо к В. Г. Плеханову / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 39.
15. Wittmann, W. Kreuzzug gegen die Realitaet. Die ersten hundert Jahre nach Karl Marx. Bonn, 1982.

Е. О. Базарова

МАРКСИСТСКАЯ ДИАЛЕКТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ГНОСЕОЛОГИИ

В классической гносеологии ведущее место занимает диалектический метод, в разработку которого внесли большой вклад К. Маркс и Ф. Энгельс. Заслугой К. Маркса и Ф. Энгельса является то, что они обосновали всеобщий характер диалектики, ее законов. Формирование философии марксизма происходило с конца 30-х до конца 40-х годов XIX века.

Развитие общественно-исторической практики, науки и философии к середине XIX века требовало их глубочайшего философского осмысления. Именно поэтому тогда появляются такие направления философии, как позитивизм и марксизм, которые ставят перед собой задачи исследования действительности, обнаружения ее законов, понимание и объяснение жизни общества. К. Маркс и Ф. Энгельс создают свою философию, которую называют «новой философией», «новым материализмом».

Преодоление основных недостатков материализма Фейербаха и всего предшествующего материализма, новое объяснение действительности и принципов ее познания было связано с обоснованием Марксом и Энгельсом подлинной роли практики в человеческом обществе и истории человечества.

Уже в ранних работах Маркс заметил преобразующую, а не просто объяснительную функцию теоретической мысли, в том числе философии. В дальнейшем он связал эту функцию с тем, что теория служит практике, а практика определяет теорию.

Маркс и Энгельс отметили различные подходы к пониманию практики: практика — предметная деятельность; практика — это деятельность людей, направленная на преобразование природы и общества; практика — это общественно-историческая деятельность людей; практика — характеристика человеческой жизнедеятельности.

Сегодня при определении практики все чаще используются категории субъекта и объекта, к которым обратился Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе». Он писал, что главный недостаток всего предшествующего материализма — включая и фейербаховский — заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Для Маркса объект — это предмет приложения человеческих сил субъекта, под которым подразумевается не только

отдельный человек, но и различные человеческие общности — социальные группы, классы, народы, нации, а также государство и др.

Для Маркса основными видами практики были: «обработка природы людьми», т.е. материально-производственная деятельность, и «обработка людей людьми» — социально-преобразующая деятельность. К. Маркс называет общественную жизнь практической по существу, благодаря тому, что основой всей общественной жизни считает трудовую деятельность людей.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс много внимания уделяет проблеме практики. Он подчеркивает, что история промышленности и возникшее предметное бытие промышленности являются «раскрытой книгой человеческих сущностных сил». Своеобразие этих сущностных сил состоит в их опредмечивании. В итоге результатом практики являются изменения материальных и других общественных отношений, что основательно исследует К. Маркс в «Капитале».

Категория «практики», введенная марксистской философией в анализ процесса познания (основа, цель познания и критерии истины), позволила не только преодолеть агностицизм, но и связала воедино концепцию материалистического понимания истории с гносеологией, способствуя их более глубокой разработке.

Одновременно категория практики явилась фундаментальной и для рассмотрения проблем онтологии. Так, по Марксу, раскрытие сущности сознания предполагает указание на отражение в нем прежде всего материальной жизни людей и всех условий их общественного бытия. Даже само целеполагание человека связано в конечном счете с материальными условиями постановки и достижения цели, наличием необходимых средств для ее реализации. Процесс выработки цели есть процесс отражения объективного мира в форме образа предстоящей практической деятельности. По определению Маркса, цель есть идеальный образ

подежащих созданию предметов, образ, который существует до того, как эти предметы будут произведены.

Таким образом, Маркс, показывая, что вся общественная жизнь является, по существу, практической, рассматривает все явления и процессы, с которыми взаимодействует социальный субъект, как результат настоящей или предшествующей человеческой деятельности, в сложном взаимодействии ее практических и теоретических, объективных и субъективных моментов.

Маркс и Энгельс впервые предложили учение об общественно-экономической формации, что позволило, во-первых, подходить к анализу общества конкретно-исторически и, во-вторых, историю человечества рассмотреть как смену общественно-экономических формаций.

К. Маркс и Ф. Энгельс в своих работах неоднократно подчеркивали приверженность диалектике, но не в гегелевском ее толковании, так как они не признавали диалектики идеалистической, или, как образно выразился Энгельс, «стоящей на голове». Они разработали новую историческую форму диалектики — материалистическую диалектику. Диалектика Гегеля, подчеркивает Маркс в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», — это диалектика духа, мышления, «движение мыслей». А такая диалектика не способствует пониманию сущностных сил самого человека. Ведь для Гегеля субъектом является не действительный человек как таковой, а только абстракция человека, его самосознание. Человеческие же сущностные силы — это разумение истинной формы духа, мыслящего, логического духа. Таким образом, Гегель рассматривает всю предметную действительность не как деятельность человека, а как результат творящей идеи.

Маркс делает вывод, что идеалистическая диалектика не позволяет раскрыть сущность явлений, без диалектического метода сущность не раскрывается, но этот метод должен быть методом материалистической диалектики. Важно обращение к действительным явлениям, предметам, источ-

никам действительного знания. Марксистская философия рассматривает связь диалектики — объективной и субъективной — как диалектики природы, общества и познания, как отражение объективной диалектики человеческим сознанием, теорией диалектики.

Вся глубина разработки материалистической диалектики раскрывается в произведении К. Маркса «Капитал», в котором просматриваются два подхода к диалектике: как к теории и как к методологии познания законов капиталистического общества и человеческой истории. Маркс исследует изменение явлений, их развитие, переход из одной формы в другую; рассматривает закономерные связи, открывает законы, учитывает их специфику, определяемую конкретными условиями. Рассматривая развитие явлений через противоречия, Маркс приходит к уяснению сущности явлений, открытию экономических и других законов. Например, рассмотрение труда в единстве конкретного труда и труда абстрактного позволило Марксу определить стоимость товара и т.д.

Марксистская философия исследует категории и законы диалектики, основные диалектические принципы — развития, связи, детерминизма и др.

В марксистской философии диалектика процесса познания исходит прежде всего из развития общественно-исторической практики, которая выступает основой познания, целью познания и критерием истины. Марксистская философия рассматривает процесс познания через диалектику абсолютного и относительного, объективного и субъективного, чувственного и рационального моментов познания.

К. Маркс уделил внимание специфике познания общественных явлений, роли в их познании диалектических методов — метода восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному и метода единства исторического и логического. Таким образом, К. Маркс и Ф. Энгельс создали материалистическую диалектику как науку о наиболее общих законах развития мира и человеческого сознания. Это учение, говоря словами В. И. Ленина, стало «душой марк-

сизма», так как не только способствовало разработке всех составных частей марксистской теории, но и явилось методологической основой для решения практических задач.

Следует заметить, что марксизм — это такая система взглядов, которая опирается на практику человечества, ее осмысление. Это позволило марксизму подойти к философии не только как к любомудрию и «душе культуры», пониманию ее как свойства человеческого ума, но увидеть то, что в весьма абстрактной форме сформулировал еще Аристотель: «быть учением о наиболее общих принципах бытия и познания», исследовать эти принципы как законы природы, общества и человеческого мышления (6, с. 134—140).

Энгельс указывает, что диалектика является наукой о наиболее общих законах всякого движения. Это значит, что законы диалектики имеют силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления. Так, например, марксистская диалектика утверждает, что в природе, обществе и мышлении нет изолированных явлений, а напротив, все они связаны друг с другом. Взаимозависимость и взаимообусловленность — всеобщий закон объективного мира.

Марксистская диалектика утверждает, что все находится в состоянии движения и изменения и что все явления природы и общества имеют один и тот же источник своего развития — внутреннюю противоречивость. Таким образом, развитие и внутреннюю противоречивость диалектика рассматривает в качестве всеобщих законов природы, общества и мышления.

Обоснование закона сохранения материи и движения Ломоносовым, эволюции органического мира Дарвином, создание периодической системы элементов Менделеевым — эти и многие другие открытия науки подтверждают тот факт, что диалектика проходит красной нитью через всю историю развития науки, историю познания.

Весь ход развития естествознания XIX в. требовал изучения явлений природы в их органической взаимосвязи и

взаимозависимости, в их движении, изменении, развитии. Начиная с первой половины XIX в. развитие естествознания с необходимостью требовало диалектического подхода к анализу явлений природы. Современное естествознание в еще большей степени, чем естествознание XIX в., раскрывает диалектический характер процессов природы (2, с. 10).

Марксистская диалектика требует исторического подхода к событиям, конкретного их анализа. При рассмотрении любого вопроса, любого исторического события необходимо исходить из конкретных исторических условий, и только такой анализ действительности является подлинно научным анализом, дает возможность правильно отображать события и определять свое отношение к ним.

Диалектический метод предполагает, что ни одно явление в природе не может быть понято, если взять его в изолированном виде, вне связи с окружающими явлениями, ибо любое явление в любой области природы может быть превращено в бессмыслицу, если его рассматривать вне связи с окружающими условиями, в отрыве от них, и, наоборот, любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности ими.

Марксистская диалектика — единственно научный метод познания действительности, законы, положения диалектики не привнесены в природу и общественную жизнь извне, а представляют собой отражение объективного материального мира. Задача и в понимании природы и в понимании истории общества «заключается не в том, — писал Энгельс, — чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах» (5, с. 52).

Требование марксистского диалектического метода рассматривать явления в их взаимообусловленности определяется, следовательно, тем обстоятельством, что в самой природе и общественной жизни предметы и явления не существуют изолированно. В мире все предметы и события обусловлены друг другом, находятся во взаимодействии

друг с другом и благодаря этому, как писал Энгельс, «вся доступная нам природа образует некую систему, некую совокупную связь тел, причем мы понимаем здесь под словом тело все материальные реальности, начиная от звезды и кончая атомом...» (4, с. 45). Только рассмотрение явлений в их взаимообусловленности дает нам возможность понять природу как единое целое.

Учение материалистической диалектики о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений в природе и обществе служит важнейшим средством познания действительности и ее преобразования. Так как все явления в природе и обществе взаимосвязаны, то, следовательно, и понять эти явления возможно лишь при рассмотрении конкретных условий их существования и развития.

Взаимосвязь предметов и явлений природы и общества существует в многообразных формах и отражается в познании в форме различных понятий и категорий. Связь явлений природы и общества выражается в отношениях между качеством и количеством, между формой и содержанием, новым и старым, положительным и отрицательным, необходимостью и случайностью. Существуют также причинные отношения явлений природы и общества. Причинные отношения тем и отличаются от всех других отношений, выражающих связь предметов, что они раскрывают происхождение явлений, предметов. Через отношения причины и следствия раскрывается непрерывная и бесконечная цепь событий в природе и обществе. Причинность выражает момент всеобщей связи явлений материального мира.

Марксистская диалектика признаёт объективный характер причинности. Применение основного вопроса философии к пониманию причинности означает, что эта философская категория является отражением причинных отношений, присущих явлениям объективного мира. Причинные отношения являются всеобщими, они присущи всем явлениям мира, в природе и обществе нет причинно не обусловленных явлений.

О всеобщем характере причинности свидетельствует вся многогранная практическая деятельность человека. Энгельс указывает, что человек не только находит, что за известным движением следует другое движение, но и создаёт новые формы движения, например промышленность. Зная причины, обуславливающие появление какого-либо явления, мы оказываемся в состоянии сами его вызвать (6, с. 61).

Теория познания идет дальше вопросов происхождения и развития сознания через всю прошлую историю человечества. Исходя из знаний о происхождении сознания, теория познания ставит вопрос о методах познания существующей действительности и о практических действиях по ее преобразованию. Полученный на основе теории познания диалектический метод выступает частью этой теории познания, как ее результат. Теория познания приводит мышление человека к пониманию самых глубоких законов природы — диалектических. Только человек, вооруженный знаниями этих законов, а также диалектическим методом познания, и способен с наименьшими ошибками осуществлять практические действия в обществе.

Характеризуя процесс нашего познания, Энгельс писал, что «всякое действительное, исчерпывающее познание заключается лишь в том, что мы в мыслях поднимаем единичное из единичности в особенность, а из этой последней во всеобщность; заключается в том, что мы находим и констатируем бесконечное в конечном, вечное — в преходящем» (4, с. 185).

О том, что познание должно исходить из наличия объективных диалектических процессов, говорят основоположники науки.

«Диалектика есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга, — почему ум человеческий не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (1, с. 98).

Исследователи материалистической диалектики делают вывод о том, что диалектика есть методология (учение о методе) знания предмета. Но это первое указание было бы неполным, если бы мы не прибавили к нему слов: «на основе действия» (практики), ибо действенный момент теории познания вошел в науку еще со времени тезисов Маркса о Фейербахе. Следовательно, материалистическая диалектика есть методология на основе знания, на основе действия.

Список использованной литературы

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18.
3. О диалектическом материализме : сб. статей. М. : Полит. лит-ра, 1952.
4. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс. М., 1952.
5. Энгельс, Ф. Л. Фейербах и конец классической немецкой философии / Ф. Энгельс. М. : Госполитиздат, 1952.
6. Философия : учебник / под ред. В. Н. Лавриненко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юристъ, 2007.

Д. Н. Воронаев

МАРКСИЗМ И НЕТРАДИЦИОННЫЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Известно, что с самого начала своего существования марксизм вызывает множество дискуссий и споров. Появляются различные интерпретаторы философии К. Маркса и Ф. Энгельса, в работах которых марксизм предстает перед нами в различных видах от классического диалектического материализма до учения, полностью преодолевшего философию.

Несмотря на то что в основе учения, созданного К. Марксом и Ф. Энгельсом, лежит материалистическое видение мира, известно немало попыток сопоставить его с религией или даже трактовать марксизм как религиозную

концепцию. Так, например, в начале двадцатого века А. В. Луначарский в своей работе «Религия и социализм» (вышедшей в 1911 году) говорил о марксизме как о величайшей религии, которая поможет формированию социалистического религиозного сознания. По его мнению, марксизм должен выступить как завершение исканий всех религий и в этой синтетической религиозной системе место Бога займут такие величины, как Человечество и Космос.

Истории известно и прямое обожествление К. Маркса и некоторых его последователей. Такое отношение к этим известным личностям мы находим в нетрадиционных религиозных движениях. Так, в России внутри христоверческой секты, которая называлась Духовные христиане Дубово-Уметской веры, в сороковые годы двадцатого века возникает движение почитателей Ленина и марксизма. В результате в 1946 году часть верующих объявляет Ленина «духовным царем», формирует его культ и создает новую секту Наука Священного Коммунизма. Лидер этого религиозного движения Александр Стрельников пытался обосновать коммунизм с точки зрения христоверия. В конце восьмидесятых годов секта перешла на легальное положение, что привело к резкому сокращению ее приверженцев. В конце двадцатого века секта опять сливается с общинами Духовных христиан Дубово-Уметской веры.

На Западе мы тоже можем встретить подобных почитателей созданной Марксом концепции. В середине пятидесятых годов двадцатого века Джим Уоррен Джонс основал в Миннеаполисе религиозную группу «Церковь Слова Христова», которую через год переименовал в «Народный Храм». Затем он переезжает в Сан-Франциско, где разворачивает активную деятельность. Джим Джонс объявил себя реинкарнацией Христа, Будды, пророка Баба (основателя бахаизма), Ленина и Самого Всемогущего Бога. Религиозная доктрина, которую он создал, представляла собой смесь оккультных, языческих и восточных учений, а также немало места здесь занимали идеи, почерпнутые им из трудов

Маркса. Когда у Джонса начались трения с законом Соединенных Штатов, он принимает решение перевезти всю общину в джунгли Гайаны, где на взятом в аренду участке несколько членов «Народного Храма» в 1974 году основали поселение, названное в дальнейшем Джонстаун по имени главы движения. Как говорил Джим Джонс, Гайана выбрана была не случайно. Переселение именно сюда связано с тем, что это страна социалистической ориентации.

Джонс и его единомышленники неоднократно высказывали свои симпатии Советскому Союзу. В декабре 1977 года советский консул Федор Тимофеев побывал в Джонстауне с дружественным визитом. Джонс в свою очередь часто посещал советское консульство в столице Гайаны, Джорджтауне. В марте 1978 года «Народный Храм» дал знать советскому посольству о своем намерении просить у СССР политического убежища, а также о желании разместить в советском банке значительные денежные средства организации. В связи с этим в сентябре 1978 года Федор Тимофеев опять побывал в Джонстауне и предложил сначала направить в Москву делегацию коммуны. Однако дальнейшему развитию отношений с Советским Союзом помешала трагедия. В ноябре 1978 года в результате коллективного суицида погибло 909 последователей этого культа, включая и самого Джима Джонса.

В современной России обожествление марксовской философии мы можем найти в нетрадиционном религиозном движении — это так называемая «Партия коммунистов Единение Всеволод» или, как их еще называют, «космические коммунисты». Эта религиозная группа возникла в городе Волгограде в начале 90-х годов двадцатого века. Сведения о ней достаточно скудны и противоречивы, однако из имеющейся информации можно составить общее впечатление о «космических коммунистах».

Эта религиозная группа начиналась, как многие культы конца двадцатого века в России, с кружка волгоградских почитателей наследия Рерихов и Блаватской. Затем появил-

ся интерес к учению Порфирия Иванова и, естественно, к различным восточным учениям. Как в поле зрения попала философия К. Маркса, неясно, но можно предположить, что на это повлияли следующие моменты. Во-первых, в этой группе были бывшие партработники, например, Зоя Лемке работала парторгом КПСС на одном из волгоградских заводов. Во-вторых, о Ленине и Марксе положительно отзывались Рерихи. Примерно в 1993 году эта группа начала изучать наследие Маркса, Энгельса и Ленина. Их работы были объявлены священными, а в 1995 году в результате телепатического сеанса руководители группы получили указание из космоса создать коммунистическую партию. Во главе партии встала Мать Вселенной, в миру Вера Грищенко. Постепенно в группе складывается религиозная доктрина из уже упоминавшихся учений, однако основу ее составляют идеи Маркса и Ленина. Ленин был обожествлен и стал в один ряд с Иисусом Христом. На основе веры в переселение душ почти у каждого члена культа появилось убеждение в том, что он является реинкарнацией какого-то великого человека. Среди них есть Фридрих Энгельс, царь Давид, Иисус Христос, Иосиф Сталин и многие другие.

Религиозная практика состоит из обязательного обливания холодной водой (пришло из учения Порфирия Иванова) для того, чтобы смыть отрицательную энергию, чтения молитв и пения песен, продиктованных свыше, и установления контакта с высшими космическими силами. Для этого арендуется зал в одном из ДК города Волгограда, члены партии надевают на головы пирамидки с открытой дверцей и погружаются в медитацию. Затем, когда связь с Космосом установлена, они начинают писать различные символы, которые позже разгадывают (эта практика пришла, несомненно, из учения Елены Рерих, устраивавшей подобные сеансы автоматического письма). Верующие ожидают наступления «Золотого века», но войти в него могут только те, кто находится, как говорят космические коммунисты, в «дисциплине», т.е. соблюдают все необходимые предписания культа.

Члены этой религиозной организации известны в Волгограде еще и как экстрасенсы, знахари и целители. В связи с этой практикой в культуре появилось множество молитв и заговоров, начиная от лечения болезней и заканчивая изгнанием тараканов без причинения им вреда.

Партию коммунистов Единение Всеволод пытались несколько раз зарегистрировать, однако сделать этого не получилось, так как данная группа обладает всеми признаками религиозного культа.

Я думаю, что при внимательном изучении религиозных доктрин неокультов можно встретить еще немало обращений к работам К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина. Эта тема пока еще не нашла своего исследователя.

Вокруг известных и популярных людей и учений всегда происходит движение, рождающее почитателей и врагов различных мастей. Как мы видим, не избежал этой участи и марксизм. Наверное, еще немало найдется людей, которые будут подобно космическим коммунистам вплетать идеи Маркса в свои религиозные учения. Главное, чтобы среди них больше не было подобных Джиму Джонсу, который привел к гибели практически всю созданную им общину.

О. И. Казеннова

КАРЛ МАРКС О ЗНАЧЕНИИ РЕЛИГИИ В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА

Несмотря на то что взгляды К. Маркса на религию стали предметом множества исследований, нет работы, которая объективно бы их анализировала. Это связано прежде всего с тем, что каждый исследователь придерживается определенной мировоззренческой позиции (в советское время — имеет идеологическую задачу), что и влияет на истолкование текстов мыслителя.

К. Маркс не оставил трудов, непосредственно посвященных исследованию религии, но в целом ряде работ обращался к проблеме «религия и общество», актуальной и во второй половине XIX в. Его соратник Ф. Энгельс создал ряд работ по истории религии. Различные характеристики религии, данные в связи с общественными проблемами, представляют собой закономерные выводы из философского учения классиков марксизма.

В связи со сказанным важно вновь обратиться к наследию великого немецкого философа. В рамках статьи мы остановимся лишь на некоторых аспектах осмысления религии в работах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Классики марксизма применяли к анализу религии принципы материалистического понимания истории. Фейербах все сверхъестественное *сводил* к человеку. Маркс и Энгельс применяли метод *выведения* иллюзорных религиозных форм из отношений реальной жизни (1, с. 2).

Выведение — это конкретизация принципов материалистического понимания истории применительно к анализу религии. Оно предполагает раскрытие отношения человека к природе, анализ процесса производства его жизни, а вместе с тем общественных условий его жизни и происходящих от них духовных представлений. Маркс отмечает, что всякая история религии, отстраняющаяся от этого материального базиса, не критична. Много легче посредством анализа найти земную основу религиозных представлений, чем, наоборот, из отношений реальной жизни вывести религиозные формы. Последний метод является научным (2, с. 90).

У религии нет истории, оторванной от всемирной истории, она не может быть понята лишь из самой себя, как некое не зависящее от общественных отношений и оторванное от них царство. Она не является причиной самой себя, ее следует объяснять из эмпирических условий, показать, каким образом определенные отношения промышленности и общения необходимо связаны с определенной формой

общества, государства и, соответственно, с определенной формой религиозного сознания (3, с. 140).

В результате анализа К. Маркс и Ф. Энгельс пришли к выводу, что иллюзорность сознательного выражения действительных отношений индивидов является следствием ограниченности способа их материальной деятельности и вытекающей из этого ограниченности общественных отношений.

Объединенная общественная сила индивидов предстает как чуждая власть с неизвестными генезисом и направленностью. Стихийно сложившиеся формы всеобщей зависимости и совместной деятельности включены в контекст истории. Каждая ее ступень застает определенный результат, сумму производительных сил, отношение людей к природе и друг к другу. Сумму производительных сил, капиталов и форм общения каждое поколение и каждый индивид наследуют как нечто данное. Эта сумма лежит в основе всех понятий о субстанции, сущности человека, высшем существе и т.п. (3, с. 24, 29).

Энгельс видит основу иллюзии в самом характере законов движения общества. Столкновение всех сознательных действий приводит к состоянию, похожему на состояние бессознательной природы, где при первом взгляде царствует случайность. Несмотря на целенаправленность, действия людей часто не приводят к желаемым результатам. Но всеми случайностями управляют скрытые внутренние законы, которые и предстают в сознании людей в виде «таинственного провидения» (4, с. 305—306). Эти законы необходимо изучать научными методами, тогда, при их знании, ими можно будет пользоваться для сознательного управления обществом.

Мысль о том, что в религии отражается прежде всего человек, часто встречается в работах классиков марксизма. Религия возникает «лишь благодаря отражению человека в хаотичном материале его собственного неразвитого сознания» (5, с. 592). Введение к «Критике гегелевской философии права» К. Маркс начинает с близкой Фейербаху мысли о религии как фантастическом отражении самого человека,

как о его создании, утратившем свое значение: «Человек, который в фантастической действительности неба искал некое сверхчеловеческое существо, а нашел лишь *отражение* себя самого, не пожелает больше находить только *видимость* самого себя, только не-человека — там, где он ищет и должен искать свою истинную действительность... Религия есть лишь иллюзорное солнце, движущееся вокруг человека до тех пор, пока он не начинает двигаться вокруг себя самого» (6, с. 414—415).

В одной из статей Ф. Энгельс подчеркивает, что «только человеческое происхождение содержания всех религий дает им еще кое-где хоть какое-то право на уважение; лишь сознание, что даже самое дикое суеверие все же в основе своей отражает вечные свойства человеческой сущности, хотя бы и в такой изуродованной и искаженной форме, — только это сознание спасает историю религии... от полного ее отрицания и вечного забвения» (5, с. 593).

Религия — «священный образ человеческого самоотчуждения», она «претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность, потому что человеческая сущность не обладает истинной действительностью» (6, с. 414—415). «Человек, пока он опутан религией, умеет объективировать свою сущность, лишь превращая ее в *чуждое* фантастическое существо» (7, с. 412).

Ф. Энгельс в религии видел корень нерелигиозности своего времени: «...разложение и пустота, это «бездушие», этот «атеизм» имеют свою основу в самой религии. Религия по существу своему есть выхолащивание из человека и природы всего их содержания, перенесение этого содержания на фантом потустороннего бога, который затем из милости возвращает людям и природе частицу щедрот своих. Пока сильна и жива вера в этот потусторонний фантом, до тех пор таким окольным путем человек добивается хоть какого-нибудь содержания... Пустота существовала уже давно, потому что религия есть акт самоопустошения человека» (5, с. 590).

Подчеркнем, что, говоря о человеке, Маркс подразумевал общественность природы иллюзорного религиозного отражения: «...религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял. Но человек — не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек — это мир человека, государство, общество. Это государство, это общество порождают религию, *превратное мировоззрение*, ибо сами они — *превратный мир*» (6, с. 414).

К. Маркс использует образные сравнения: «Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» (6, с. 415). За этими определениями, часто только негативно трактовавшимися, кроется и неприятие религиозного мировоззрения, и в то же время осознание того, что «религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества» (там же). Кроме того, Маркс понимает, что на протяжении тысячелетий в религии находили утешение.

Философ подчеркивает значение критики религии, ведь критика религии есть в зародыше критика социальной действительности, которая обуславливает существование религии. Освобождение от иллюзии необходимо для того, чтобы изменить реальность, ее порождающую: «Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы — не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком» (6, с. 415).

Несмотря на осознание иллюзорности религиозного отражения и его «убожества», классики марксизма не забывали об исторической обусловленности существования религии, следовательно, ее необходимости, что хорошо видно на примере «Анти-Дюринга». Ф. Энгельс в этой работе говорит о генезисе религии и полемизирует с Е. Дю-

рингом, который предлагал «упразднить» все, что связано с культом. «Но ведь всякая религия, — возражает Энгельс, — является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни» (8, с. 328). Эти силы природы, а затем и общества постепенно соединяются и персонафицируются в образе монотеистического бога, который, в свою очередь, является лишь отражением абстрактного человека. В этой форме религия может продолжать свое существование как непосредственная, то есть эмоциональная форма отношения людей к господствующим над ними чуждым силам, причем «до тех пор, пока люди фактически находятся под властью этих сил» (8, с. 329). Поскольку в буржуазном типе общества над людьми господствуют ими же созданные экономические отношения, постольку сохраняется основа существования религии.

В «Диалектике природы» Энгельс снова подчеркивает, что при отходе от идеалистического христианского мировоззрения речь идет не о «простом отбрасывании всего идейного содержания этих двух тысячелетий, а о критике его, о вышелушивании результатов, добытых в рамках ложной, но для своего времени и для самого хода развития *неизбежной* идеалистической формы» (9, с. 513).

К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что религиозное отражение со временем может исчезнуть, но «лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и природой. Строй общественного жизненного процесса, то есть материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходимы материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития» (2, с. 90).

Ускорить процесс демистификации общества можно несколькими путями: научно обоснованная критика религии, научное познание мира, научное познание законов общественного развития и, главное, применение знания этих законов на практике.

Критика религии поможет осуществить ее снятие с сохранением того ценного, что в ней содержалось: «Мы хотим вернуть человеку содержание, которого он лишился благодаря религии, — не какое-то божественное, но человеческое содержание, и это возвращение сводится просто к пробуждению самосознания» (5, с. 592); «Критика религии освободила человека от иллюзий, чтобы он мыслил, действовал, строил свою действительность как освободившийся от иллюзий, как ставший разумным человек» (6, с. 415). Маркс считал, что эта задача философией была уже практически выполнена (6, с. 414).

Научное познание снимает «мистическое туманное покрывало» с мира, все больше и больше явлений делает доступными для человеческого познания и рационального объяснения. В этом отношении классики марксизма также являются непоколебимыми оптимистами: «Лишь действительное познание сил природы изгоняет богов или бога из одной области вслед за другой... В настоящее время этот процесс настолько продвинулся вперед, что теоретически его можно считать законченным» (10, с. 639).

Познание законов развития общества стало главной целью самих классиков марксизма. Это необходимое самопознание для человека. Но оно будет действенно только вкупе с практикой: «Одного только познания... недостаточно для того, чтобы подчинить общественные силы господству общества. Для этого необходимо прежде всего общественное *действие*. И когда это действие будет совершено, когда общество, взяв во владение всю совокупность средств производства и планомерно управляя ими, освободит этим путем себя и всех своих членов от того рабства, в котором ныне их держат... средства производства... — лишь тогда

исчезнет последняя чуждая сила, которая до сих пор еще отражается в религии, а вместе с тем исчезнет и само религиозное отражение, по той простой причине, что тогда уже нечего будет отражать» (8, с. 330).

Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на религию определяются всей системой диалектического материализма. Понятно, что религия при таком подходе может рассматриваться лишь как иллюзия, подлежащая снятию. В трактовке религии на первый план выступает ее социальная и историческая обусловленность. Религия при таком подходе является идеальным порождением бытия общества, следствием самоотчуждения человека, исторически изменяющимся явлением. Религия играет свою историческую роль и пусть превратно, но отражает действительность, человеческую сущность. Она несет скрытый протест и утешает. Но она должна исчезнуть, потому что наука дает адекватное отражение действительности и пути ее преобразования. Марксизм предлагает объяснение причин возникновения религии и пути ее преодоления. Высказывания мыслителей проникнуты пафосом веры в могущество разумного человека.

Список использованной литературы

1. Маркс, К. Тезисы о Фейербахе / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 3.
2. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1960. Т. 23.
3. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 3.
4. Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 21.
5. Энгельс, Ф. Положение Англии. Томас Карлейль. «Прошлое и настоящее» / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.
6. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.

7. Маркс, К. К еврейскому вопросу / К. Маркс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1955. Т. 1.
8. Энгельс, Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 20.
9. Энгельс, Ф. Диалектика природы / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 20.
10. Энгельс, Ф. Материалы к «Анти-Дюрингу» / Ф. Энгельс // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. 2-е изд. М. : Политиздат, 1961. Т. 20.

А. Т. Калиева

ВЛИЯНИЕ МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ НА СОВРЕМЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ПОЗНАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО

Философия марксизма представляет собой огромную систему научных знаний о человеке, обществе, государстве. Было время, когда она, являясь идеалом миропонимания для миллионов людей, играла огромную роль в жизни нашей страны. И на сегодняшний день, несмотря на утрату прошедшей популярности, она продолжает впечатлять точностью умозаключений и неоспоримостью своей логики. С точки зрения марксизма, возникновение и смена социально-этнических общностей людей — это закономерный, объективно обусловленный процесс, в основе которого в конечном счете лежит развитие способа производства материальных благ, его уровень и характер. Возникновение каждой общности в процессе исторического развития определялось становлением соответствующей общественно-экономической формации.

Согласно марксизму, социальные факторы определяют сущность и основное содержание национальных явлений и процессов, а этнические факторы — лишь их форму. Тем не менее марксисты хотя и не абсолютизируют этнические моменты (особенности культуры, психологии, обычаев,

традиций и т.д.) в формировании, функционировании и развитии национальных общностей, считают, что они играют немалую роль.

Само понятие о национальности не может быть ни чисто этнографическим, ни физиологическим, ни чисто экономическим. Национальная индивидуальность проявляется прежде всего психологическими признаками: религией, поэзией и искусствами, языком, мнениями нации о самой себе или мнениями о ней других. Также она проявляется в ее героях и исторических представителях. История данного народа открывает его характер. В работах Маркса вы не встретите конкретного анализа теории наций, однако он, бесспорно, внес вклад в исследование национальных отношений, особенно проблем национального характера. В его работах многократно встречаются выражения: «немецкий национальный характер», «английский национальный характер», «особенности характера каждого народа» и т.д. Национальный характер — это не просто совокупность индивидуальных характеров. В обществе, где коллектив объединен и организован, отдельные личности оказывают взаимное влияние друг на друга. В результате этого вырабатывается общий способ чувствовать, думать и желать, значительно отличающийся от того, каким характеризуется ум отдельного человека, отдельного представителя общества.

По мнению Ю. В. Бромляя, характер этнической общности наций, народностей, этнических, этнографических групп социалистических, развивающихся и развитых капиталистических стран — это специфическая предметная зона марксистской этнической психологии, поскольку этнический (национальный) характер, точнее характер этнической общности, составляет «своеобразное ядро психического склада народа» (1, с. 233).

Именно национальный характер, по мнению Маркса, рассматривается в качестве основного фактора, отличающего одну нацию от другой. Проводя анализ национального характера той или иной нации, К. Маркс и Ф. Энгельс

выделяли в нем определенные существенные признаки. Например, в работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс, описывая черты национального характера ирландцев, отмечал: «Ирландцы по своему национальному характеру сродни романским народам, французам и в особенности итальянцам... у ирландцев чувства и страсти, безусловно, берут верх над разумом. Чувствительный, легко возбудимый характер ирландцев не дает развиваться рассудительности и мешает равномерной, настойчивой деятельности» (7, с. 493—494).

Говоря о марксистской концепции нации, следует учесть, что в марксизме нация рассматривается через призму классовой борьбы, где классовая борьба выступает самодовлеющим фактором происходящего в обществе. Маркс не раз указывал на то, как стереотипы, которые возникают и действуют в отношениях подавляющей и угнетенной нации, служат политическим целям. Подавляющая нация формирует, распространяет и поддерживает стереотипы своих представителей в виде образа людей более ответственных, более способных, более справедливых. Однако навязать такой стереотип коллективному сознанию угнетенной нации угнетателям удастся далеко не всегда. Чаще случается так, что она сама создает стереотип своего угнетателя в виде обобщенного образа жестокого и безжалостного, хитрого и несправедливого человека.

В ходе антиимпериалистической борьбы образование и формирование наций во многом объясняет тот сложный характер, который приобретают взаимоотношения между молодыми государствами, нациями и народностями. В целях сохранения своих воззрений империализм прибегает к испытанному в прошлом его историческими предшественниками приему разжигания расовой нетерпимости и национальной розни. «Средний английский рабочий, — писал Маркс, — ненавидит ирландского как конкурента, который понижает заработную плату. Он питает к нему национальную и религиозную антипатию... Этот антагонизм между

пролетариями в самой Англии искусственно разжигается и поддерживается буржуазией. Она знает, что в этом расколе пролетариев заключается подлинная тайна сохранения ее могущества» (2, с. 406). Маркс указывал на большую мотивационную силу национальных чувств, на их подвижность, что позволяет оказать на них целенаправленное воздействие. По мнению Маркса, незрелость нации и национальных отношений приводит к тому, что на политико-психологической почве возникают конфликты и столкновения, которые империализм использует как орудие политического диктата.

В работах Маркса немало ценных размышлений и выводов о таких социально-психологических явлениях, как национальный характер, национальные чувства, национальная гордость, национальное сознание, национальное самосознание и др. Данным явлениям мы можем дать общее название «национальная психология». Маркс сформулировал закономерность отражения особенностей нации в ее национальной культуре, установил соотношение классового и национального в революционном движении.

Маркс считает, что у всякой нации существует свое сознание и своя воля. Производство идей, представлений, сознания сначала естественно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Люди являются производителями своих представлений, идей и т.д. Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием, а бытие людей есть реальный процесс их жизни. По его мнению, «исходной точкой являются действительно деятельные люди, а не то, что люди говорят, воображают, представляют себе... И именно из их действительного жизненного процесса выводят также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса. Даже туманные образования в мозгу людей являются необходимыми продуктами их материального жизненного процесса. Люди, которые формируют свое материальное производство и свое материаль-

ное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления» (5, с. 24—25). Следовательно, по мнению Маркса, не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание.

Содержание самосознания целиком определяется практикой общения, природой общественных отношений. Человек сформировывает свое собственное Я через отношение к другим людям, в процессе общения с ними. К. Маркс считал, что, познавая себя, человеческая личность, как правило, обращается к сравнению с другими людьми, всматривается, как в зеркало, в другого человека, открывает в себе те свойства, которые она сначала видит в других (3, с. 62). В первобытном обществе круг общения между людьми был ограничен рамками своего рода и племени, так как первобытнообщинному строю соответствует такая историческая форма общности людей, как племя, основанная на кровнородственных связях между людьми. Следовательно, человек — это только соплеменник. Люди из других племен воспринимались как враги, которых надо остерегаться.

В связи с расширением межплеменных связей появление обмена и тому подобное обогатили представления человека о самом себе. Осознать свою собственную этническую группу люди могли только через сопоставление и противопоставление ее другим. Это был живой процесс общения, напряженный и конфликтный. Групповое самосознание закрепляло и цементировало единство племени, племенного союза, позже народности перед лицом всех окружающих.

Для постижения сущности политических отношений и тенденций их развития в историческом процессе имеет огромное значение психология больших и малых групп. Классики марксизма-ленинизма отводили существенное место социальным интересам в структуре общественной психологии больших социальных групп, рассматривая их как мощный источник общественного развития и активности социальных классов. К. Маркс писал: «Если восстает класс, в котором сосредотачиваются революционные инте-

ресы общества, то он находит... и материал для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы...» (4, с. 16). К. Маркс и Ф. Энгельс общественный интерес рассматривали не как чисто психологическое понятие, связанное лишь с мыслями, помыслами, чувствами, а как социально-психологическое явление, неразрывно связанное с такими категориями, как практика, необходимость, цель, свобода.

В «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали о том, что политические отношения — это отношения между людьми. Маркс уделял особое внимание психологическим характеристикам различных социальных групп. Особенно хотелось бы выделить, что ему принадлежит немалый вклад в разработку классовой психологии. Им были проанализированы такие политико-психологические феномены, как классовая солидарность, классовая ненависть, классовые предрассудки и классовый эгоизм.

Психологическим побудительным мотивом участия верующих в различных организациях религиозно-политического характера становятся обыденные религиозные представления, религиозные чувства. В определенных условиях исторического развития религиозные чувства могут играть активную революционную роль, поднимать массы на борьбу, способствовать распространению революционных настроений. В то же время религиозные представления и чувства как результат призрачного, неадекватного отражения потребностей масс, носящие объективный характер, по мнению Маркса, препятствуют формированию классового сознания трудящихся. Двойственный характер революционных движений в религиозной оболочке в современных условиях делает возможными попытки эксплуататорских классов направлять эти движения в русло антикоммунизма, препятствовать последовательному осуществлению интересов трудящихся, уводить значительные массы людей от решения жизненно важных для них задач. Психологической основой для объединения участников в

таких движениях становится религиозно окрашенное «мы-сознание», т.е. чувство общности, основанное на противопоставлении «нас», сторонников данной религии, всем остальным, воспринимаемым как «они».

Согласно марксизму, этнические факторы имеют существенное значение в формировании и проявлении признаков и особенностей психологии нации, т.е. тех ценностей в языке, народной культуре, а особенно в фольклоре и одежде, в пище и интерьере жилища, в традициях и обычаях, которые складывались веками. Этническое в жизни народов — тоже, конечно, социальное. Однако в учении Маркса о нациях и национальных отношениях при характеристике национального принято различать в нем социальное как отражение экономического, классового, идейно-политического и этническое, выражающее в основном форму общности, а не ее суть. Итак, сущность нации как общности состоит в том, что она является социально-этнической общностью, в которой социальное выступает определяющим началом (6, с. 195).

Именно К. Маркс выявил «истинную причину исторического движения человечества, а потому и саму природу различных классов, которые сменяют один другой на мировой сцене». Согласно Марксу, способ производства, который господствует на данный момент в обществе, определяет, в конечном счете, способ удовлетворения социальных потребностей. Ведь на самом деле, чтобы существовать, человек должен производить, должен влиять на внешнюю природу. Влияние человека на внешнюю природу определяется в каждый момент, т.е. это зависит от средств производства и состояния производительных сил. Формирование этих сил обязательно приводит к переменам во взаимоотношениях производителей в «процессе общественного производства». Данные перемены, вызывая одновременно перемены и в институте собственности, приводят к изменению всего социального строя. Отсюда следует, по мнению Маркса, что развитие производительных сил изменяет «природу» общества. Формирование производительных

сил изменяет и «природу» самого человека. Согласно этому, человеческая природа никогда не бывает причиной, она является только следствием.

Однако «человеческую природу» отодвигать нельзя, так как мы должны учитывать чувства и страсти людей и народов, их стремления, идеи, верования, нравственность и т.д., поэтому, говоря о социальной психологии, следует подразумевать психологию национальную.

Список использованной литературы

1. Бромлей, Ю. В. Этнос и этнография / Ю. В. Бромлей. М. : Наука, 1973. 284 с.
2. Маркс, К. Генеральный совет — федеральному совету Романской Швейцарии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1960. Т. 16.
3. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1960. Т. 23.
4. Маркс, К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1956. Т. 7.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 3.
6. Тавадов, Г. Т. Этнология: Современный словарь-справочник / Г. Т. Тавадов. М. : АНО «Диалог культур», 2007. 704 с.
7. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. М. : Политиздат, 1955. Т. 2.

Б. К. Кучкин

ЛУИ АЛЬТЮССЕР И ТЕОРИЯ ИДЕОЛОГИИ КАРЛА МАРКСА

Проблема идеологии, ее специфики и функций является одной из центральных в работах французского философа Л. Альтюссера. Он затрагивает эту тему при рассмотрении многих важных вопросов теории и истории марксизма. Порой трудно вычлениить его взгляды на идеологию из общего комплекса философских и социологических воззрений.

Термин «идеология» он употребляет в нескольких значениях: а) в некоторых случаях для определения вообще области идей; б) в более ранних работах при характеристике домарксистской философии и особенно классической немецкой философии конца XVIII — начала XIX века, влияние которой Маркс начал преодолевать, по мнению Альтюссера, начиная с 1845 г.; в) наконец, для обозначения специфического уровня социальной практики, который обладает особыми закономерностями функционирования. Это последнее значение понятия «идеологии» является для него основным, оно и выражает своеобразие взглядов Альтюссера на идеологию.

«Идеология, — по определению Альтюссера, — это система (имеющая свою собственную логику и строгость) представлений (образов, мифов, идей или понятий), наделенная особым существованием и ролью в обществе» (1, с. 238). Ее отличие от науки состоит в том, что «практико-социальная функция берет в ней верх над теоретической (или функцией сознания)». Идеология необходима в обществе, «чтобы формировать людей, изменять их и приводить в соответствие с требованиями условий их существования». Эту социальную функцию, «которая позволяет привести сознание и поведение людей в соответствие с условиями их существования», идеология, по мнению Альтюссера, выполняет во всех обществах, хотя направление идеологической деятельности в классовом и бесклассовом обществах различно. А именно: «В классовом обществе идеология есть реле, посредством которого... отношение людей к их условиям существования регулируется в пользу господствующего класса. В бесклассовом обществе идеология есть реле, посредством которого... отношение людей к их условиям существования изменяется в пользу всех людей» (1, с. 242—243).

Свои представления о сущности идеологии, ее особых функциях в социальном воспроизводстве, ее противоположности науке Л. Альтюссер развивает на материале

истории марксистского мировоззрения, в частности на базе своего понимания идейной эволюции Маркса. С точки зрения Альтюссера, главное направление духовного развития Маркса заключалось в переходе с позиций идеологического мировоззрения на позицию науки. Одновременно с этим в марксизме постепенно формируется, как считает Альтюссер, и научное понимание сущности самой идеологии.

Исходя из этой посылки, Альтюссер выделяет в идейном развитии Маркса «идеологический» и «научный» периоды, временной границей между которыми он считает 1845 г. Именуя его годом «эпистемологической купюры», Альтюссер пишет, что она делит, таким образом, мысль Маркса на два больших существенных периода: период еще «идеологический», предшествующий купюре 1845 г., и «научный», следующий за купюрой 1845 г. (1, с. 26.). По мнению Альтюссера, в 1845 г. в работе «Немецкая идеология» и в «Тезисах о Фейербахе» получает выражение «новое теоретическое сознание», которое формируется одновременно в области теории истории (исторический материализм) и в области философии (диалектический материализм). Отделяя, следовательно, в структуре марксизма науку (исторический материализм) от собственно философии (диалектический материализм), Альтюссер вместе с тем утверждает, что новое философское сознание формировалось вместе с новым понятием истории. «Именно основывая теорию истории (исторический материализм), Маркс в одном и том же движении порвал со своим прежним идеологическим сознанием и основал новую философию (диалектический материализм)» (1, с. 25). Причем Альтюссер поясняет, что «новое теоретическое сознание» не было завершено в «Немецкой идеологии» и в «Тезисах о Фейербахе». В этих работах намечены только общие контуры теоретического переворота, осуществленного Марксом в области философии и понимания истории.

Более глубокая и всесторонняя разработка принципов «нового теоретического сознания» осуществлялась Марк-

сом, как полагает Альтюссер, в период с 1845 по 1857 г. и после 1857 г.

В противовес «идеологическим» воззрениям на историю буржуазных экономистов или Гегеля Маркс создал, как утверждает Альтюссер, «научное» понимание истории. Какой смысл вкладывает Альтюссер в это утверждение? Прежде всего он настаивает на том, что марксистское представление о социальной целостности, лежащее в основе марксистской концепции истории, радикально отлично от гегелевского: «Это целое, единство которого, далекое от того, чтобы быть «выражающим» или «спиритуальным» единством целого Лейбница и Гегеля, основано на некотором типе сложности, является единством структурного целого, включающего то, что можно назвать уровнями или различными, «относительно автономными» моментами, которые существуют в этом сложном структурном единстве, соотносясь друг с другом по способу специфических определений, зависящему в конечном счете от экономики» (3, с. 43—44). Марксово понимание социальной целостности как «структуры органически иерархированного целого» (3, с. 45) не допускает, добавляет Альтюссер, «среза сущности», который возможен в отношении целостности гегелевского типа.

Вообще Маркс, по мнению Альтюссера, преодолел при истолковании социальной целостности модель «выражающей целостности», в силу чего различные конкретные проявления социального не рассматриваются им более как проявления единой, хотя, может быть, и развивающейся сущности, как это было, например, у Гегеля. Вследствие этого же «единство» социального не представляется Марксом в качестве «непосредственного данного», проявляющегося в конкретных исторических феноменах и постигаемого через них. Социальная целостность, по Марксу, являясь «единством структурного целого», не постигается как внутренняя сущность конкретных феноменов, считает Альтюссер, а «конструируется» в познании. Поэтому Альтюссер так определяет Марксово понимание объекта исто-

рической науки: «Объектом истории в собственном смысле не является то, что происходит в истории (это определение тавтологическое!), как если бы слово «история» выражало сразу смысл ее понятия. Совсем напротив, объектом истории является само понятие истории в его специфическом определении; объект истории представляет производство посредством исторических исследований, конструкцию понятия истории... Объект науки истории обладает, стало быть, тем же типом теоретического существования, что и объект политической экономии по Марксу» (3, с. 59). Итак, история — не «конкретная» наука, а «теоретическая» дисциплина, объектом которой является «понятие истории».

Исходя из подобного понимания истории, Альтюссер дает критический анализ таких традиционных проблем философии истории, как «сущность — ее проявление», «необходимость — случайность», «роль индивида в истории». По мнению Альтюссера, эти проблемы поставлены неправильно, ибо в них произведено недопустимое смешение теоретического и эмпирического подходов к истории. Они порождены идеологической потребностью «заполнить дистанцию, т.е. пустоту, существующую между теоретической частью истории, с одной стороны, и эмпирической историей — с другой» (3, с. 60), и ведут к «паралогизму», ибо в них «объект познания» незаконно подменяется «эмпирическим объектом». «Наиболее знаменитая форма этого паралогизма представлена «проблемой» о «роли индивида в истории»... Это трагический спор, где сталкиваются теоретическое познание определенного объекта (например, экономики как сущности, феноменами которой являются другие объекты — политика, идеология и т.д.) — с этой дьявольски важной (политически!) эмпирической реальностью — индивидуальным действием.

Дав свое истолкование Марксова понимания истории, в котором главным является, по его мнению, отказ от «идеологического» подхода к истории как к эмпирически данному, очевидному и т.п., и охарактеризовав научный подход к

истории как к «объекту познания», Альтюссер подвергает критике некоторые «идеологические» трактовки Марксова понимания истории, распространенные в среде марксистов.

Так, Альтюссер упрекает Энгельса в «паралогизме, когда смешивается теоретическое развитие понятия с генезисом реальной истории... Энгельс постулирует это невозможное соответствие, отождествляя без колебаний «логическое» развитие и «историческое»... Чтобы отождествить развитие понятий и развитие реальной истории, нужно... отождествить объект познания с реальным объектом, подчинить понятия определениям реальной истории. Энгельс подчиняет... понятия теории истории коэффициенту мобильности, прямо заимствованному у конкретной эмпирической последовательности, в идеологии истории, перенося, таким образом, «реально — конкретное» в «конкретное — мысли» и историческое как реальное изменение в само понятие» (3, с. 66—67).

Между тем Маркс, повторяет Альтюссер, ясно различал «объект познания» и «реальный объект», так что проблема соотношения реальной истории и логики — это «воображаемая проблема», характерная для «идеологических» интерпретаций марксизма.

После Энгельса, считает Альтюссер, «идеологические толкования Марксова понимания истории, и в частности его идей в «Капитале», были представлены в различных «историцистских» и «гуманистических» интерпретациях марксизма. Альтюссер выделяет особенно два периода их расцвета. Первый порожден «живой реакцией против механицизма и экономизма II Интернационала в годы, которые предшествовали революции 1917 г. и следовали за ней» (3, с. 74). Второй период — это возрождение «историцистских» и «гуманистических» интерпретаций марксизма «после осуждения XX съездом преступлений и догматических заблуждений «культы личности» (3, с. 74). Наиболее значительными фигурами первого периода были Р. Люксембург, А. Грамши, К. Корш, Г. Лукач.

Говоря о взаимодействии науки и идеологии, Альтюссер утверждает, что наука «может родиться от идеологии, затем отделиться от нее, чтобы конституироваться в науку, но поистине это отделение, эта «купюра» освещает новую форму исторического существования и временности, в силу чего наука ускользает... от общей судьбы единой истории, от судьбы «исторического блока» единства структуры и суперструктуры» (3, с. 93).

Новизна позиции Маркса состояла, по мнению Альтюссера, в том, что он начал рассматривать познание как особую сферу социального «производства», как «теоретическую практику», развивающуюся по своим особым законам. А это означало, что научное знание обладает определенной самостоятельностью в отношении других видов социальной практики — производственной, политической, идеологической, хотя в научной практике и используются в виде материала результаты других практик. Одновременно это означало, что научное знание как особая сфера социального «производства» дистанцирована от реальной действительности. Несомненно, что знание является «присвоением реального объекта», но это присвоение имеет чрезвычайно опосредованный характер; наука в своем развитии имеет дело не с «реальными объектами», а с «объектами познания», которые, подвергаясь различным трансформациям в процессе развития знания, становятся более адекватными реальности. Альтюссер пишет, что «процесс производства познания необходимо включает непрерывную трансформацию его объекта (концептуального)... эта трансформация, составляющая одно с историей науки, производит в результате новое знание (новый объект познания), имеющее всегда отношение к реальному объекту, в который сознание действительно углубляется посредством перестройки объекта познания» (3, с. 123—124).

Короче, главный смысл теоретического переворота, осуществленного Марксом в результате преодоления «идеологического» мышления и разработки принципов научно-

го знания, состоял, по мнению Альтюссера, в отказе, в том, что «очевидное», «непосредственно данное» исключалось из круга научных объектов и утверждалась специфика концептуального производства. Поэтому Альтюссер пишет: «Когда Маркс во «Введении» сказал, что всякий процесс научного знания начинается с абстракции, всеобщности, а не с реального конкретного, он показал, что действительно порвал с идеологией (1, с. 194)».

Трактовка идеологии, которую Л. Альтюссер дает в таких работах, как «За Маркса», «Читать «Капитал», основывается с необходимостью на резком разграничении идеологии и науки. Однако реальная сложность взаимоотношений между идеологией и наукой не дает возможности Л. Альтюссеру последовательно удержать занятую им позицию. В ряде работ, например «Ленин и философия», в статье «Философия как оружие революции», Альтюссер в определенной форме признает наличие взаимосвязи между идеологией и наукой. Это признание концентрируется в своеобразном определении им сущности и задач философии.

Он выдвигает положение, что философия вообще имеет идеологическое происхождение и в то же время соотносится определенным образом с науками. Таким образом, Альтюссер начал рассматривать философию как область, посредством которой осуществляется взаимовлияние науки и политики, науки и идеологии.

В чем же заключается, по его мнению, связь философии с идеологией?

Альтюссер утверждает, что как материалистические, так и идеалистические «концепции мира» имеют идеологическую природу, непосредственно связанную с классовой борьбой в обществе, но это еще не превращает их в философию. Она возникает там и тогда, где и когда имеющая идеологическое происхождение борьба между материализмом и идеализмом переносится в область наук. «Без наук, — пишет Альтюссер, — нет философии, а есть только концепции мира». Альтюссер поясняет, что наука опосреду-

ет философскую борьбу между материализмом и идеализмом, которая в силу этого утрачивает характер непосредственной связи с классовой борьбой, с идеологией.

Философская борьба разворачивается вообще, по мнению Альтюссера, на границе между наукой и идеологией и заключается в столкновении философских принципов, отстаивающих научность, и таких, которые угрожают науке идеологическими извращениями. Такая постановка вопроса имеет некоторое сходство с учением Канта о регулятивных идеях разума, которые указывают границы теоретического разума, выходя уже собственно за его пределы.

Рассматривая философию как своеобразное связующее звено между идеологией и наукой, Альтюссер не ограничивается утверждениями о роли философии для наук, о том, что философия «представляет» идеологию в области наук. Он делает выводы и о том, что философия «представляет» науки в области идеологической борьбы, политики и т.п. Он пишет, например, что «философия представляет борьбу классов, т.е. политику. Узловой пункт № 1: отношение философии с науками. Узловой пункт № 2: отношение философии с политикой. Все заключается в этом двойном отношении. Мы можем тогда выдвинуть следующее положение: философия является политикой, продолженной некоторым образом в некоторой области относительно некоторой реальности. Философия представляет политику в области теории, точнее в области наук, и, наоборот, философия представляет научность в политике в области классов, охваченных борьбой» (4, с. 53—54).

Подводя некоторые итоги, следует отметить, что Л. Альтюссер, рассматривая феномен идеологии, выдвинул и развил в заостренно полемической форме ряд интересных положений, разрабатывающих, например, специфические закономерности функционирования идеологии в обществе, ее практические функции, соотношение идеологии и научного знания.

Список использованной литературы

1. Althusser, L. Pour Marx. P. : Maspero, 1965. 261 p. ("Théorie" 1).
2. Althusser, L., Rancière J., Macherey P. Lire le Capital. T. 1 / L. Althusser, J. Rancière, P. Macherey. P. : Maspero, 1965. 257 p. ("Théorie" 2).
3. Althusser, L. Lire le Capital. T. 2 / L. Althusser, E. Balibar, R. Establet. P. : Maspero, 1965. 404 p. ("Théorie" 3).
4. Althusser, L. Lénine et la philosophie / L. Althusser. P. : Maspero, 1969. 59 p. ("Théorie").
5. Андерсон, П. Размышления о западном марксизме; На путях исторического материализма : пер. с англ. / П. Андерсон. М. : Интер-Верса, 1991. 272 с.

Л. И. Ломакина

«ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ» ПО МАРКСУ

Историческая тенденция развития общества была в общей форме предвидена К. Марксом.

Методология теории постиндустриального общества близка диалектическому методу, примененному Марксом в «Капитале». Методология Маркса не была копией метода Гегеля, она включала элементы позитивистского метода, особенно применительно к философии истории. Именно благодаря этому Маркс разработал концепцию общественных формаций. Эта концепция позволила Марксу понять социальный прогресс как совершенствование форм и методов материального производства.

Методология теории постиндустриального общества работает в этой же парадигме, т.е. продолжая осмысление степени совершенства материального производства. Если превосходство одного общества над другим марксисты оценивают по производительности труда, то постиндустриалисты — по источникам энергии и формам производственного процесса. Членение исторического процесса на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности почти совпадает с выделением доин-

дустриального, индустриального и постиндустриального обществ.

Обе теории членят исторический процесс на три большие фазы. Марксисты различают архаическую, экономическую и коммунистическую общественные формации, а сторонники постиндустриализма — аграрное, индустриальное и постиндустриальное общество или первую, вторую и третью «волны» в истории цивилизации (А. Тоффлер). Каждое движение рассматривает предложенное им деление исторического процесса как работающую абстракцию. Так, Д. Белл рассматривает идею о постиндустриальном обществе как абстракцию, созданную для упорядочивания наших знаний о перспективах прогресса цивилизации. Переход от одной формации к другой рассматривается ими в качестве отдельной исторической эпохи (Маркс в письме к Вере Засулич). Обе парадигмы рассматривают переходы между общественными формациями как содержащие революционные изменения. В то же время характер революционных изменений будет различным между переходом от доэкономической к экономической формации и от экономической формации к коммунистической или постиндустриальному обществу. Энгельс говорит о различии политической и социальной революции.

Возможна аналогия между постиндустриальным и коммунистическим обществом. То и другое общество достигается на основе технического прогресса. Общество свободной индивидуальности, как характеризуют коммунистическое общество классики марксизма, можно считать дополненным развитием способностей человека, замещением трудовой деятельности проявлениями творческой активности, как характеризуют постиндустриальное общество его исследователи. В том и другом случае общество будет гуманистическим, его идеалы достойными целями человека. И коммунизм, и постиндустриальное общество рассматриваются как постэкономическая фаза общественной эволюции.

Маркс указывал, что социум развивается в направлении обретения человеком все большей свободы. Маркс писал, что

при коммунизме будут преодолены формы личной и вещной зависимости и человек превратится в свободную индивидуальность. Новый тип свободы, по Марксу, приведет к преодолению рынка. Это положение игнорировалось советскими учеными. По Марксу, человек не может стать свободным, не выйдя за пределы собственно материального производства.

Как же достичь состояния, когда индивидуальность станет важнее организации и власть утратит свой прежний общественный характер? Достичь нового состояния можно лишь тогда, когда основой социального прогресса станет не массовое материальное производство, а индивидуализированное создание информации и знаний. По Д. Беллу, информация — основной производственный ресурс постиндустриального общества, она «рождает власть высшего уровня». Это не власть грубой силы и капитала, это наиболее демократичная власть.

На этой основе происходит трансформация общества: в производстве возникает новый тип работника, подрывающий основы частной собственности и принципы функционирования традиционной корпорации. Просто большинство уже не обладает ни достаточным моральным, ни достаточным экономическим правом принятия решений. В политической сфере информационная революция глобализирует происходящие процессы и радикально ограничивает возможности национального государства.

Каким же образом начинается в общественном производстве отход от традиционных принципов организации?

Становление постиндустриального общества началось, по Д. Беллу, с экспансии экономики услуг. Другие исследователи указывают в качестве начала развитие информационного сектора. Обобщая, можно сказать, что переход от создания материальных благ начался с производства услуг и информации. В добывающей промышленности США занятость сократилась с 1980 по 1994 г. на 41%, а занятость в сфере услуг повысилась на 78%. Внутри фабричных цехов все меньшее количество рабочего времени приходится на

производство в его традиционном понимании. На рабочем месте во все большей степени осуществляется потребление информации и знаний. В США к 1995 г. было создано 20,7 млн. рабочих мест на дому.

Результатом этих процессов становится размывание границ между производительным и непроизводительным трудом, между трудом по производству материальных благ и услуг, что приводит к устранению самой границы между производством и потреблением. В новом производстве большую роль играет потребление, а производственная деятельность начинает рассматриваться как разновидность досуга. А. Тоффлер в работе «Третья волна» отметил, что «рынок не является ни капиталистическим, ни социалистическим. Он является прямым, неизбежным последствием отделенности производителя. Там, где имеет место эта разделенность, возникает рынок. Там же, где разрыв между производителем и потребителем сужается, функции, роль и власть рынка оказываются поставленными под вопрос».

Как же быть с марксистским положением об уничтожении частной собственности как условия коммунистического общества? Переход от частной к коллективной или общественной собственности не решал проблему. Исследователи постиндустриального общества справедливо отмечали, что собственность превратилась в юридическую фикцию. Вопрос не в передаче частной собственности в руки мелких собственников, а в формировании собственности на информацию и знания. В таком случае невозможным становится отделение труда от капитала, а возникает соединение труда и средств производства.

На наших глазах в развитых странах возникают общества, в которых человек не зависит в той степени, как это было в индустриальной цивилизации, от собственности представителей господствующего класса на средства производства, так как главными из них становятся знания, неотделимые от человека, а условия их развития и применения оказываются все более доступными.

Напомним, что Карл Маркс многое сделал для понимания будущего общества как общества, сущностной характеристикой которого является процесс постоянной оптимизации личностных и общественных интересов («свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»).

Исходным пунктом будущего общества у К. Маркса является «свободная индивидуальность». Свободная индивидуальность утверждается не на классовом фундаменте, а в ходе универсального развития каждого из индивидов, массового формирования свободных индивидуальностей. Само это развитие осуществляется в процессе и на основе присвоения индивидами их общественных производительных сил. Для достижения такого уровня развития следует произвести социальные преобразования, чтобы не индивиды были подчинены общественному производству, а «общественное производство подчинено индивидам, которые управляли бы им как своим общим достоянием» (1, с. 101).

Дальнейший анализ привел К. Маркса к выводу, что по мере развития крупной промышленности созидание действительного богатства становится менее зависимым от количества затраченного труда, но более зависимым от общего уровня науки и прогресса техники и от применения науки и техники к производству.

В производстве, ранее основанном на непосредственном труде, применение рабочим своих физических сил оказывается все более ненужным, они в значительной мере заменяются силами самой природы. Рабочий все более занимается регулированием технологического процесса. Рушится производство, основанное на меновой стоимости.

Капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, общественной комбинации и социального общения. В результате происходит «универсальное развитие индивидов» и «превращение их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние». Что происходит далее?

Маркс приходит к выводу, что соединение индивидов и средств производства не может осуществиться лишь на юридической основе. Это соединение должно быть реализовано как «развитие индивидуальных способностей, соответствующих материальным орудиям производства» (2, с. 68). Если собственность должна принадлежать всем индивидам, то вся масса орудий «должна быть подчинена каждому индивиду» (2, с. 68). В таком случае должен быть уничтожен труд как «отрицательная форма самодеятельности» (2, с. 67).

На этой ступени самодеятельность совпадает с материальной жизнью. Из этого следовало, что в качестве главной основы производства и богатства выступает не непосредственный труд и не разделение труда. Уничтожение разделения труда происходит таким образом, что ликвидируется простой труд. На смену простому труду приходит качественно более высокий труд, который находит свою экономическую меру на своей собственной основе. В таком случае прибавочный продукт начинает выступать в качестве необходимого продукта. В этом будущем обществе мерой богатства будет не рабочее, а свободное время, превращающее того, кто им обладает, в «иного» субъекта. Потребление свободного времени явится, по выражению К. Маркса, «полным развитием индивида», «возвышенной деятельностью». Развитие материального производства впервые окажется основанным не на превращении свободного времени в прибавочный продукт, а на непосредственном его использовании. Это будет скачком в новую социальность.

Определяющую роль в таком обществе начинает играть «всеобщий труд». Индивид вступает в производство как человек, «в голове которого закреплены накопленные обществом знания», а сам этот процесс «представляет собой применение (знаний), экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку». Две характеристики всеобщего труда — «действительно свободный труд» и «самоосуществление индивида» — явятся основой

ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом. Индивид перестанет быть средством процесса развития, а будет положен и осознан как «предпосылка индивида» (3, с. 35). Всеобщий труд, по Марксу «онаученный», — это труд по преобразованию природы. Человек развивается во взаимодействии с природой. В чем состоит наша социальная природа? Человеческое общество — высшая ступень развития материи. Человеку присуща индивидуальность. Развитие идет на человека (В. В. Орлов).

Итак, Маркс рассматривает исторический процесс как процесс становления человеческой индивидуальности. Общество действует с сознанием того, что «...действительным богатством является развитая производительная сила всех индивидов» (3, с. 217). В будущей социальности производство представляет собой «экспериментальную науку», а в голове человека «закреплены накопленные обществом знания». Разве это не научный прогноз общества знания?

Общества знания преодолевают социальное отчуждение на том основании, что знание является общественным достоянием, которое должно быть доступным для каждого. Эти общества ставят своей целью социальную интеграцию и поощрение социальной активности каждого. Одной из первейших задач «обществ знания» является обеспечение равных возможностей в области образования, в сфере доступа к информации, её анализа и включения наиболее интересной её части в сферу знания. Особое значение приобретает способность ориентироваться в потоке информации, когнитивные способности, критический ум, позволяющий отличать полезную информацию от бесполезной. Новые наиболее эффективные способы использования «человеческого капитала» требуют новых моделей развития, основанных на знании, на взаимопомощи и всеобщем участии. На сегодня общество раздирают противоречия между всем миром и 20% мирового населения, которые сосредоточили в руках 80% мировых доходов, дополнив имеющиеся противоречия «цифровым разрывом» и «когнитивным разры-

58

вом» между странами Севера и странами Юга. Ученые ставят вопрос о «гуманизации процесса глобализации». Разве К. Маркс не призывал к гуманизации индустриального производства?

Материалистическое понимание истории, выявленное К. Марксом, его прогноз будущего общества — явление уникальное и обнаруживает свой потенциал.

Список использованной литературы

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 2.
4. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. М., 2004.
5. Тоффлер, А. Третья волна / А. Тоффлер. М., 1999.
6. Орлов, В. В. Материя, развитие, человек / В. В. Орлов. Пермь, 1974.

А. В. Лыжин

«КАПИТАЛ» КАРЛА МАРКСА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ, СТРУКТУРА, ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ

Маркс называл «Капитал» делом своей жизни. Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка, Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя. «Главный труд Маркса — «Капитал» посвящен изучению экономического строя современного, т.е. капиталистического общества», — писал В. И. Ленин в 1913 г. [3, с. 44—45].

После поражения революции 1848 г. Маркс, ведя решительную борьбу со всякими течениями буржуазного и мелкобуржуазного «социализма», разрабатывал свою материалистическую теорию, уделяя основное внимание изучению политической экономии. Он сосредоточивал свои усилия на

этой главной задаче, которую рассматривал как свою важнейшую партийную обязанность.

В течение 1850-х гг. Маркс подверг детальной разработке основную проблему политэкономии капитализма и изложил результаты своих исследований в серии работ, написанных, по его свидетельству, не для печати, а для уяснения вопросов самому себе. Главная из них — рукопись «Критика политической экономии» (1857—1859), охватывающая большой круг экономических проблем, — представляла собой, в сущности, первоначальные варианты «Капитала». В 1859 г. была опубликована работа «К критике политической экономии», которую К. Маркс рассматривал как первый выпуск своего основного труда — «Капитала». «Между 1863 и 1867 гг. Маркс не только сделал две последние книги «Капитала» вчерне, а первую книгу в готовом для печати виде, — писал Энгельс, — но еще выполнил гигантскую работу, связанную с основанием и деятельностью Международного Товарищества Рабочих» [2, с. 5]. Первый том «Капитала» был издан в 1867 г.

К. Маркс умер, не завершив работу над последними томами «Капитала». Это было выполнено его другом и соратником Ф. Энгельсом. «...Изданием II и III томов «Капитала», — писал В. И. Ленин, — Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса» [4, с. 12].

«Капитал» — главный труд К. Маркса, в котором раскрываются экономический строй капитализма и законы его движения, доказывається неизбежность его гибели и победы социалистической революции. «Капитал» — первоисточник теории марксизма... главное и основное сочинение, излагающее научный социализм...» [1, с. 187].

Второй том «Капитала» был выпущен Энгельсом в 1885 г., третий — в 1894 г. Во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса «Капитал» составляет 23—26-й

тома. Первый том «Капитала» К. Маркс посвятил одному из своих ближайших соратников по «Союзу коммунистов» В. Вольфу. Маркс хотел включить в «Капитал» четвертый том, посвященный истории экономических теорий. Рукопись этого тома, озаглавленного «Теории прибавочной стоимости», была опубликована уже после смерти К. Маркса и Ф. Энгельса.

В первом томе «Капитала» рассматривается непосредственно процесс производства капитала, во втором — процесс обращения, в третьем — процесс капиталистического производства, взятый в целом. Так как движение капитала не исчерпывается только процессом производства, а опосредствуется процессом обращения, Маркс рассматривает капиталистический процесс производства в целом как единство процессов производства и обращения. Отсюда вытекает необходимость исследования конкретных форм, возникающих из процесса движения капитала, взятого в целом. В капиталистическом обществе господствует товарное производство, поэтому К. Маркс начинает свой анализ с рассмотрения товара как «экономической клеточки» буржуазного общества. Рассматривая два фактора товара — потребительную стоимость и стоимость, Маркс исследует противоречия между ними и раскрывает двойственный характер труда, воплощенный в товаре, сделав, таким образом, открытие, на котором, по его словам, «основывается все понимание фактов» в экономической науке. Другой важнейший момент экономического исследования К. Маркса заключается в рассмотрении прибавочной стоимости первоначально независимо от ее конкретных форм проявления (прибыли, процента, ренты).

Раскрытие двойственного характера труда — конкретного и абстрактного — служит инструментом анализа всех основных экономических категорий капитализма, исследуемых в «Капитале». В товаре уже заложены в зародыше все противоречия капиталистического способа производства. Дальнейшее исследование вскрывает развитие и движение

этих противоречий, которые в насильственной, катастрофической форме проявляются в опустошительных капиталистических кризисах перепроизводства.

Анализ форм стоимости и денег в «Капитале» подытоживает многовековой исторический процесс развертывания обмена, начиная с отдельных случайных актов до всеобщей и затем денежной формы стоимости. Выясняется происхождение денег как продукта развития товарного производства и обмена. Деньги, по определению К. Маркса, являются последним продуктом товарного обращения и вместе с тем первой формой проявления капитала. На известной степени исторического развития они превращаются в капитал, который с самого своего возникновения возвещает наступление «особой эпохи общественно-производственного процесса». В «Капитале» впервые в истории экономической науки показано, что капитал есть особое исторически определенное общественное отношение, отражающее капиталистическую эксплуатацию. Сущность ее впервые была объяснена К. Марксом благодаря открытию им особого рода товара — рабочей силы, которая продается капиталисту.

Сделка обмена — купля-продажа рабочей силы — служит вводным актом капиталистической эксплуатации. Она лишь внешне представляется обычной сделкой купли-продажи, которая совершается владельцем товара, с одной стороны, владельцем денег — с другой. На деле положение обоих контрагентов этой сделки в корне различно: рабочий, лишенный средств производства, вынужден продавать единственный свой товар — рабочую силу, между тем как капиталист, обладая монополией собственности на средства и условия производства, эксплуатирует наемного рабочего. Капиталистический процесс производства является процессом потребления рабочей силы капиталистом, процессом эксплуатации наемного рабочего владельцем средств производства.

Анализ производства прибавочной стоимости в «Капитале» показывает, что капитал есть мертвый труд, который оживает путем всасывания живого труда, и что капитал

хищнически подрывает источник всякого богатства — рабочую силу общества. В «Капитале» исследован исторический процесс создания предпосылок возникновения капитала, представляющий собой насильственный процесс отделения производителя от средств производства. Тем самым были до конца разоблачены утверждения апологетов буржуазии о мирном характере возникновения капитализма.

В «Капитале» К. Маркс не только раскрыл источник прибавочной стоимости, но и подробно исследовал две ее формы — абсолютную и относительную, показав их роль в развитии капитализма.

В «Капитале» подробно исследуются три основные исторические стадии развития капиталистического производства: простая капиталистическая кооперация, мануфактура, крупная машинная промышленность. Превращая рабочего в придаток машины, капитализм обрекает его вместе с семьей на рабство наемного труда. В «Капитале» во всем ее драматизме показана борьба за ограничение продолжительности рабочего дня. При этом Маркс раскрывает роль и значение буржуазного государства как инструмента для подавления сопротивления эксплуатируемых масс.

В «Капитале» научно доказано, что в процессе накопления капитала законы собственности товарного производства превращаются в законы капиталистического присвоения. Всеобщий закон капиталистического накопления обрекает рабочий класс на относительное и абсолютное обнищание.

Экономический анализ капитализма, данный К. Марксом в «Капитале», вскрыл неизбежность обострения классовых противоречий в буржуазном обществе, неизбежность непримиримой классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Тем самым был нанесен смертельный удар буржуазным теориям гармонии интересов в условиях капитализма. Последний предстал как строй наемного рабства, заменяющий экономическими средствами прежние формы господства и подчинения, основанные на открытой личной зависимости производителя.

В «Капитале» вскрыта историческая миссия капитализма как определенной ступени на пути закономерного поступательного движения человеческого общества. Весь ход развития капитализма неизбежно приводит к его революционному крушению под ударами социалистической революции пролетариата. К. Маркс так пишет о неизбежности этого крушения: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Он взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [1, с. 772—773]. Вывод о необходимости социалистической революции, экспроприирующей экспроприаторов, неизбежно вытекает из научного исследования капитализма, осуществленного К. Марксом в «Капитале».

Во втором томе «Капитала» К. Маркс исследует кругооборот и оборот капитала, а затем дает анализ воспроизводства общественного капитала, взятого в целом. К. Маркс раскрыл коренную ошибку представителей классической школы буржуазной политэкономии, которые начиная с А. Смита утверждали, что стоимость общественного продукта складывается из доходов: заработной платы, прибыли и ренты. На самом же деле, как выяснено в «Капитале», стоимость общественного продукта распадается на стоимость потребленных элементов постоянного капитала, стоимость переменного капитала и прибавочную стоимость. В соответствии с этим Маркс впервые в истории экономической науки разделил все общественное производство на 2 подразделения: I — производство средств производства и II — производство предметов потребления. Условия реализации общественного продукта при простом и расширенном капиталистическом воспроизводстве К. Маркс раскрывает в схемах воспроизводства, применив впервые в истории метод исследования экономических процессов, получивший

64

впоследствии широкое распространение и известный под названием моделирования.

В третьем томе «Капитала» дан подробный анализ сложного механизма распределения прибавочной стоимости между отдельными группами эксплуататоров. Закон средней нормы прибыли регулирует ее распределение между непосредственными получателями прибавочной стоимости — промышленными капиталистами. В процессе дальнейшего распределения прибавочной стоимости торговый капитал получает свою долю в виде торговой прибыли, ссудный капитал — в виде процента, земледельцы — в виде земельной ренты. Государство присваивает в форме налогов непрерывно возрастающую часть прибавочной стоимости, произведенную совокупным трудом рабочего класса. Содержащийся в «Капитале» анализ истории купеческого и ростовщического капитала — этих «допотопных форм капитала» и докапиталистических форм ренты — объясняет генезис капитализма. На основе анализа превращения прибавочной стоимости в прибыль и нормы прибавочной стоимости в норму прибыли К. Маркс раскрыл закон тенденции нормы прибыли к понижению, составляющий, по его характеристике, тайну, над которой билась вся предшествующая политическая экономия со времен Смита. По словам К. Маркса, различия между разными школами после А. Смита состояли в различии попыток разрешения этой тайны [2, с. 234].

Исследование этого закона, выяснение противодействующих причин, раскрытие его внутренних противоречий ярко демонстрируют историческую ограниченность капиталистического способа производства: средство — безграничное развитие общественных производительных сил — вступает в постоянный конфликт с ограниченной целью — увеличением стоимости существующего капитала.

Исследование движения ссудного капитала в условиях капиталистического общества, когда собственность на капитал совершенно отделяется от функции в действительном процессе воспроизводства, раскрывает роль кредитной

системы в развитии основного противоречия капитализма. Характеристика акционерного капитала, государственной формы капиталистической собственности, возникновение монополий, данная К. Марксом в этой связи, во многом предвосхищает особенности той стадии в развитии капитализма, которая сложилась уже после смерти основоположников марксизма и была исследована В. И. Лениным, — стадии империализма. Анализ капиталистического процесса производства, взятого в целом, дает всестороннее обоснование неизбежности периодических кризисов перепроизводства при капитализме.

Четвертый том «Капитала» — «Тсории прибавочной стоимости» — посвящен всестороннему анализу развития экономической мысли до возникновения марксизма и выяснению роли буржуазной классической политической экономии в этом развитии, критике и разоблачению антинаучных теорий вульгарной политической экономии. Ставя своей задачей показать, в каких формах, явившихся историческими вехами, были впервые высказаны и развиты далее законы политической экономии, К. Маркс выясняет заслуги представителей классической школы буржуазной политической экономии и в то же время подвергает всестороннему критическому анализу те внутренние противоречия и ошибки, в которые они впадали в силу классовой ограниченности своих позиций.

Идеи «Капитала», составляющие прочный фундамент марксистско-ленинской теории, выдержали проверку временем. Если представители буржуазной политической экономии в XIX веке всячески замалчивали «Капитал», то в XX веке они предприняли бесчисленные попытки опровергнуть экономические учения К. Маркса или же выхолостить его революционное содержание. Однако революционные выводы экономической теории К. Маркса неотделимы от самой этой теории. Ход исторического развития человечества полностью подтвердил положение Маркса и Энгельса о всемирно-исторической роли пролетариата как творца

66

коммунистического общества, получившее свое научное обоснование в «Капитале».

Место «Капитала» во всемирной истории определяется тем, что в нем, по характеристике В. И. Ленина, во всеоружии выступила теория Маркса, ознаменовавшая новую, высшую ступень в процессе познания человеком окружающего мира, теория, представляющая собой увенчание многовекового процесса развития науки об обществе. В «Капитале» наиболее полно воплощены великие открытия Маркса, которые превратили социализм из утопии в науку, связали социалистические идеи с классовой борьбой пролетариата.

В нем всесторонне разработаны и обоснованы два важнейших открытия К. Маркса, составляющие основу развития социализма от утопии к науке: материалистическое понимание истории и теория прибавочной стоимости. Материалистическое понимание истории означало распространение диалектико-материалистического метода познания на сферу общественной жизни. Тем самым был произведен коренной революционный переворот в понимании и истории общества.

К. Маркс показал, что объективные условия производства материальной жизни лежат в основе всех других сторон жизни общества. В «Капитале» К. Маркс раскрыл картину развития производительных сил и показал, что они составляют основу возникновения определенных производственных отношений между людьми в процессе общественного производства. Эти отношения составляют экономический базис общества, на котором возвышается политическая, юридическая и духовная надстройка.

В «Капитале» К. Маркс определил закон как внутреннюю и необходимую связь между явлениями. Свою задачу он видел в исследовании естественных законов капиталистического производства, действующих и осуществляющихся, по его характеристике, с «железной» необходимостью. В «Капитале» раскрыта общая закономерность исторического процесса и показано, что вся предшествующая исто-

рия есть история борьбы классов, а классы возникают и существуют на базе имеющихся в тот или иной период материальных условий, при которых общество производит необходимые жизненные блага.

Второе важное открытие К. Маркса, — пишет Энгельс, — состоит в окончательном выяснении отношения между капиталом и трудом. Это открытие составляет содержание учения о прибавочной стоимости, которое представляет собой, по определению Ленина, краеугольный камень экономической теории Маркса. В «Капитале» исследован экономический закон движения современного общества, из которого марксизм всецело и исключительно выводит историческую неизбежность революционной смены капитализма социализмом. Теория прибавочной стоимости, с наибольшей полнотой обоснованная и всесторонне разработанная в «Капитале», исчерпывающе выяснила классовые отношения между пролетариатом и буржуазией и раскрыла сущность эксплуатации рабочего класса капиталистами. Она обнажила самую глубокую основу непримиримых классовых противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Борясь против мелкобуржуазных политиков, выступавших за примирение классов, за внеклассовый социализм и надклассовую демократию, В. И. Ленин подчеркивал, что «Капитал» К. Маркса посвящен выяснению той истины, что основными силами капиталистического общества являются и могут являться только буржуазия и пролетариат.

В «Капитале» содержится классическая разработка марксистского экономического учения, обосновавшего необходимость социалистической революции и пролетарской диктатуры, уничтожающей буржуазный строй и создающей новое, социалистическое общество. «Капитал», писал В. И. Ленин, величайшее политико-экономическое произведение нашего века. «Предметом моего исследования в настоящей работе, — писал Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», — является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производ-

ства и обмена» [1, с. 6]. На основе обширного фактического материала Маркс дал, по определению Ленина, «...образец научного анализа одной и самой сложной — общественной формации по материалистическому методу...» [5, с. 140].

До появления «Капитала» было написано много работ о капитализме. Но только Маркс обосновал его как особый, исторически преходящий способ производства и вскрыл присущие ему объективные экономические законы. С полным основанием Энгельс замечает, что свойственный буржуазии способ производства называется капиталистическим со времени Маркса.

В «Капитале» К. Маркс применил открытое им материалистическое понимание истории к исследованию капиталистического способа производства. «Там, — писал В. И. Ленин, — где буржуазные экономисты видели отношение вещей (обмен товара на товар), там Маркс вскрыл отношение между людьми» [3, с. 45]. Там, где буржуазные экономисты видели вечные и неизменные законы, якобы соответствующие человеческой природе, Маркс вскрыл исторически преходящие производственные отношения определенной общественно-экономической формации, а именно — капитализма. Там, — писал Энгельс, — где они видели решение, он видел только проблему.

Указывая, что на основании изучения гигантского конкретно-исторического материала в «Капитале» дан подробнейший анализ законов функционирования и развития капиталистической формации, Ленин следующим образом характеризует «скелет» «Капитала»: «Этот анализ ограничен одними производственными отношениями между членами общества: не прибегая ни разу для объяснения дела к каким-нибудь моментам, стоящим вне этих производственных отношений, Маркс дает возможность видеть, как развивается товарная организация общественного хозяйства, как превращается она в капиталистическую, создавая антагонистические (в пределах уже производственных отношений) классы буржуазии и пролетариата, как

развивает она производительность общественного труда и тем самым вносит такой элемент, который становится в непримиримое противоречие с основами самой этой капиталистической организации» [5, с. 138]. Ленин отмечает, что Маркс этим «скелетом» не удовлетворился, что он везде и постоянно прослеживал соответствующие производственным отношениям надстройки и тем самым объяснил строение и развитие капитализма как общественной формации. Выдающийся успех «Капитала» Ленин связывает с тем обстоятельством, что эта книга показала всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы и равенства и т.п., с буржуазными семейными отношениями.

Подвергнув развернутой критике предшествующую политическую экономию, вскрывая недостаточность анализа, ошибки и неразрешимые противоречия, характерные даже для крупнейших экономистов буржуазной классической школы, беспощадно разоблачая апологетов капитализма, Маркс дает в «Капитале» подлинную анатомию буржуазного общества, вскрывает его антагонистические противоречия, ведущие капитализм к неминуемой гибели.

В послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала» К. Маркс писал, что критику буржуазной политической экономии может представлять только тот класс, историческое призвание которого — совершить переворот в капиталистическом способе производства и окончательно уничтожить классы, т.е. может представлять только пролетариат. В «Капитале» дана всесторонняя критика буржуазной теории исторического процесса с точки зрения пролетариата, представляющего интересы прогрессивного развития общества. Это, — писал Энгельс о «Капитале», — политическая экономия рабочего класса в ее научном выражении».

В «Капитале» исследуется диалектика развития производительных сил и производственных отношений капиталистического общества. К. Маркс проанализировал, как на определенном уровне развития общественных производительных сил возникают капиталистические производственные отношения, какие последующие изменения они проходят до тех пор, пока из формы дальнейшего развития производительных сил общества не превращаются в их тормоз. Вскрытие этого противоречия составляет основу вывода К. Маркса об исторической неизбежности революционной смены капитализма социализмом. В «Капитале» показано, что эта смена является закономерным историческим процессом, результатом роста и обострения противоречий капитализма.

«Капитал» не только экономическое произведение, но и глубочайшее философское и историческое исследование. Философское значение «Капитала» определяется тем, что в нем всесторонне применен созданный и разработанный К. Марксом метод материалистической диалектики. Не только для политической экономии, но и для всех общественных наук явилось революционным открытием положение К. Маркса о том, что способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. К. Маркс показал, что смена общественно-экономических формаций является закономерным естественно-историческим процессом.

Роль «Капитала» как исторического исследования связана прежде всего с тем, что К. Маркс впервые сделал политическую экономию исторической наукой. Он поставил вопросы развития человеческого общества, как указывал В. И. Ленин, на «...историческую почву, не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [6, с. 75]. Весь «Капитал» пронизан подлинным историзмом, включающим неразрывнейшую связь теории и практики.

Историзм, присущий содержанию «Капитала», находит свое выражение в том, что развитие экономических категорий у К. Маркса является глубоким научным отражением реального хода исторического развития. В. И. Ленин указывает, что в «Капитале» даны история капитализма и анализ понятий, резюмирующих ее.

Список использованной литературы

1. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
2. Маркс, К. Капитал / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. 1.
3. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 23.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 2.
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 1.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 26.

Л. Б. Поликова

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

С аналогичным названием в 1898 году Георгий Валентинович Плеханов написал статью, представляющую, на мой взгляд, одно из лучших изложений научного решения данной проблемы в марксистской литературе. Позволив себе позаимствовать название статьи Плеханова, хочу еще раз акцентировать внимание на сложных судьбах философии и теории Маркса, их разных, зачастую взаимоисключающих оценках. Маркс, по мнению профессора Женевского института международных исследований Луиса Халле, был в первую очередь драматургом, а потом философом и революционером, его произведения писались на злобу дня, мысли не успевали полностью выработаться, вероятно, поэтому в его работах есть некоторые несообразности. Маркс устарел, так как классовая борьба затухает (1, с. 77).

Через три десятка лет с Л. Халле солидаризируется профессор института философии РАН В. М. Межуев: «...интерес к судьбе марксистского учения снизился до минимума» (2, с. 11). З. Бжезинский, в свою очередь, отмечает, что «нельзя пренебрегать огромным вкладом марксизма, его революционным влиянием». Марксизм «открыл человеческому разуму ранее игнорируемые перспективы и вызвал к жизни интересы, которыми в прошлом пренебрегали». Бжезинский обращает внимание на то, что марксизм стал частью западного интеллектуального наследия и почти каждый в той или иной мере, даже не сознавая этого, является марксистом (3, с. 74, 83). «Марксизм не умер, умереть не может, более того, в обозримом будущем еще переживет свое «второе рождение». Это будет возрождение в духе диалектического отрицания. Марксизм есть целостное учение, по словам Ленина вылитое из одного куска стали. И, стало быть, его нельзя препарировать на части — «хорошие» и «плохие», «ожизненные» и «нежизненные», — вторит ему профессор В. И. Толстых в статьях «И беда, и вина...», «Суть дела, или Что не надо упрощать...», опубликованных в сборнике «Марксизм: pro и contra» (4, с. 9, 285). Амплитуда расхождений велика, различия в восприятии одного и того же феномена поразительны.

Попытаемся объяснить этот феномен, опираясь на методологию статьи Г. В. Плеханова «О роли личности в истории» и других его работ. Для скептического, даже резко критического отношения к марксизму имеются объективные основания и причины. Тем более, что концепция Маркса с самого начала была теорией особого рода: не только осмыслением существующей реальности, но и ее критикой и средством ее практической трансформации. Т.е. эта концепция соединяла теоретический анализ, критику реальности и определенный идеал (хотя Маркс и подчеркивал, что он против всяких идеалов, в действительности его концепция такой идеал предполагает).

В современной российской действительности марксизм не просто судят, его хоронят, а для кого-то он уже умер, без

тризны, погребального обряда, канув в вечность. Марксизм хоронят давно, но до недавнего времени этим занимались те, кого называли «идеологическими противниками». Сейчас, в пылу внезапного коллективного прозрения, этим занялись вчерашние толкователи и апологеты марксизма, вообще все, кто однажды «проходил» и сдавал экзамен по марксизму-ленинизму. И как всегда бывает в таких случаях, наиболее решительно, радикально опровергают марксизм те, кто плохо его знает и понимает. Современнно звучат слова Плеханова: «Так называемая критика Маркса обнаружила не те проблемы, которые свойственны были марксизму, а то непонимание марксизма, которое свойственно было его критикам» (5, с. 200).

Примечательно в этом отношении мнение Э. Фромма: «Для этой критики есть несколько причин. И первая из них — это чистое невежество. Многие, вероятно, считают, что им предоставлено полное право говорить все, что взбрет на ум без всякого знания дела. Каждый считает себя вправе говорить о Марксе, не прочтя ни единой его строчки или хотя бы того минимума, который необходим, чтобы разобраться в сложной системе его мыслей и идей» (6, с. 377).

Критика, разумеется, прекрасная вещь, но она хороша только тогда, когда человек, ею занимающийся, в самом деле относится критически к своему предмету, а не тогда, когда он под ее предлогом только повторяет чужие мысли, усвоенные им совсем без критики. Это характерно для современного российского антимарксизма — широкое, безграничное использование багажа буржуазной марксологии. Плеханов подчеркивает: «И если она означала (критика Маркса) собой какое-нибудь движение, то это было попятное, а вовсе не поступательное движение» (5, с. 199).

Крайне отрицательную, негативную трактовку в отношении марксизма приобрели понятия «догматизм» и «ортодоксальность». По своей сути марксизм — антидогматическое учение, независимо от сделанных в нем выводов, которые сам Маркс никогда не признавал окончатель-

ными, верными для всех времен и народов. Любая попытка их абсолютизировать, распространить на все континенты и страны заставляла его говорить, что он в таком случае — не марксист. Маркс, несомненно, принадлежал к тому направлению социально-исторической мысли XIX века, которая со времен Канта получила название «критицизма» — в противоположность «догматизму» предшествующей философии. Маркс — критический мыслитель. Причем по отношению не только к существующему обществу и соответствующему ему сознанию, но в каком-то смысле и к самому себе, к собственной позиции, которая, как он считал, требует постоянной корректировки, сверки с быстротекущим временем.

Но в практике марксизма догматизм проявил себя рельефно и зримо. Ученые связывают этот процесс с беззаботностью по отношению к теории, пагубно проявившейся в двух формах: пренебрежение теорией как таковой, в замене ее компиляторской трухой, с одной стороны, и в демонстрации по отношению к ней преувеличенно-ритуального уважения, в употреблении ее, так сказать, только по праздникам — с другой. Деформация учения Маркса приобрела вполне целенаправленный характер, превратив его в особую кафедрально-доцентскую или профессорскую прагматическую, доктринерскую версию марксизма, целую систему схоластических, оторванных от реальности понятий, каковую, собственно, сейчас и ниспровергают. Сто лет назад Г. В. Плеханов в работе «Основные вопросы марксизма» (1908) пророчески писал: «Теперь невежд порождают Марксовы знания. Винить в этом надо, конечно, не Маркса, а тех, которые говорят вздор во имя его» (5, с. 146).

В интервью журналу «Юность» в 1975 году (№ 8) М. Мамардашвили отмечал: «Та философия, которую вы называете марксистской, имея, вероятно, в виду философию учебников, не есть подлинная марксистская философия. Я не хочу ничего дурного сказать о моих коллегах. Я хочу сказать лишь следующее: мы должны отдавать себе отчет в случайности этого образования. В случайности его

языка, который не вытекает из капитала марксистской философии, не является ее прямым продолжением».

Из истории марксистской философии хорошо известно, как отторгались в 60—70-е годы прошлого века теми, кто претендовал на выражение «официальной» точки зрения, марксовы «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Экономические рукописи 1857—1861 гг.», «Философские тетради» В. И. Ленина, философское наследие Плеханова и др. Общим местом были суждения о «зрелости» и «незрелости» классиков того или иного периода их деятельности, об устарелости взглядов Г. В. Плеханова, Р. Люксембург, А. Грамши, о том, что они «предназначали» и «не предназначали» для печати. Очевидно, это имело бы смысл, если бы сопровождалось соответствующим серьезным анализом. Но чаще всего его просто не было. Преобладала авторитарная декларативность, сдобренная изрядной дозой чванливого невежества. А это вело к односторонности и ущербности, к формализму и схоластике в развитии науки. Дело дошло до того, что доктор исторических наук, профессор А. Ципко с восхитительной бездоказательностью приписал Марксу все прегрешения сталинизма и защитить автора «Капитала» оказалось некому.

В результате исторический материализм, в котором предполагалось изложение сущности открытого Марксом материалистического понимания истории, оказался не в состоянии, пользуясь языком технократов, «расширить» свои узкие места, много лет выстраивал по сути бесполезные, имеющие сомнительный смысл конструкции даже с точки зрения профессорской дидактики Академии общественных наук, системы законов и категорий. Реальная общественная жизнь во всем ее полнокровном, противоречивом, контрастном естестве все больше расходилась с наукой о ней. Ножницы эти расширялись под влиянием во многом совпадающих интересов: бюрократы использовали теорию как средство оправдания и укрепления своего стабильного положения; «ученые» круги связывали стабильность свое-

го положения в первую очередь с поддержкой, даже освящением всевластия бюрократов. Дилемма: делать карьеру за счет философии или же делать философию за счет карьеры — многими решалась в пользу первого варианта. Не удивительно, что авангардную и самую шумную часть современных российских ниспровергателей Маркса составляют «птенцы гнезда» АОН при ЦК КПСС.

Нет необходимости повторять известное суждение об открытии и развитии Марксом материалистического понимания истории, объективных законов общественного развития. Но нельзя не подчеркнуть, что с этого времени социальная истина стала руководством к социальному действию. Произошло это не потому, что человечество обрело, наконец, долгожданных гениев (немало гениальных людей рождали и прежние эпохи), а потому, что гении сами смогли стать на позиции появившегося наконец класса, чье сознание легче, чем у других классов, очищается от корыстных, локальных, узкословных, ограниченно провинциальных интересов. Плеханов справедливо отмечает, что «...всякий талант, ставший общественной силой, есть плод общественных отношений» (7, с. 308).

Раскрывая марксистское положение о соотношении свободы и необходимости, Плеханов подчеркивает, что свободная деятельность личности является сознательным и свободным выражением необходимости. В этом величие и жизненность Маркса. Если деятельность личности является необходимым звеном в цепи необходимых событий, то тем меньше у нее колебаний и тем решительнее она действует. И в этом нет ничего удивительного: это значит, что отсутствие свободы воли равносильно для нее совершенной неспособности к бездействию и что оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде невозможности поступать иначе, чем она поступает. Это именно то психологическое настроение, благодаря которому люди обнаруживают самую неукротимую энергию, совершают самые поразительные подвиги. Плеханов отсылает читателя к

Фихте: «Фихте справедливо сказал: «каков человек, такова и его философия» (7, с. 302).

Обращение к философскому наследию Плеханова как методологии обоснованно по нескольким причинам. Во-первых, высокий авторитет его работ по философии, «ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма» (Энгельс, Ленин, Д. Лукач, А. Грамши, П. Андерсон). Второй причиной обращения к Плеханову, его теоретическому обоснованию роли личности в истории стало изменение геополитического положения России. До 1917 г. Российская империя была периферией существовавшей тогда капиталистической мировой системы. После 1991 г. Российская Федерация вновь стала страной, находящейся на периферии капиталистической системы. Это означает, что Россия на протяжении длительного периода своей истории была и продолжает быть сегодня зависимой и потому отстающей страной. В итоге складывается типичная для всех таких стран картина. Часть страны живет интересами Запада, ориентирована на Запад и в этом смысле постепенно европеизируется. Государственно-бюрократические структуры обуржуазиваются, включаются в рыночный обмен. Другая часть страны продолжает жить своей обычной жизнью традиционного общества, ориентируется на его культурно-исторические ценности, которые определяют ментальность значительной части населения страны. Это означает, что в обществе возникает и устойчиво существует идейный, культурный и социальный раскол, который вызван сугубо экономическими причинами. Сегодняшняя ситуация в стране поразительно напоминает ситуацию, которая была в дореволюционной России. Отсюда острейшая потребность в *личности*. Разумеется, речь идет о становлении и формировании не отдельной личности, не какого-то ограниченно-го типа личностей, а *личности в массе*, о превращении в личность *каждого*.

Что такое личность в марксистском понимании? Не задаваясь целью дать какое-либо полное обобщенное опре-

деление, позволю себе высказать суждение о важнейших личностных признаках. Трудно, практически невозможно представить себе человека как личность без потребностей в выработке собственного *цельного мировоззрения*, уходящего корнями в толщу мировой культуры. Личность с ограниченным самосознанием — жалкое зрелище. *Личностью*, по Марксу, является человек, которого не вынуждают вступать в какие-либо отношения отчуждения, эксплуатации и неравенства; чьи способности, физические и духовные, не служат источником наживы, базой чьего-то паразитического благополучия. Наконец, еще один признак *личности* состоит в непременном обладании способностью и полем для творческого самоутверждения в той или иной сфере общественно полезной деятельности.

К числу наиболее часто цитируемых в прошлом положений Маркса относится его тезис о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» (8, с. 24). Он и теперь сохраняет свою эвристическую ценность.

Третьей причиной обращения к Плеханову является старая проблема, тем не менее не переставшая быть острой. Может ли общество существовать без идеологии и сохраняет ли марксизм свою характеристику — научной идеологии?

Ставя этот вопрос, американский социолог С. Гоулднер пишет: «Никогда еще в классовом обществе безопасность правящего класса не зависела в такой степени от системы идей, оправдывающих его господство. Эта новая зависимость экономически господствующего при капитализме класса от идеологии делает его особым классом — классом, который должен овладеть влиянием на умы людей. Это класс, особенно зависимый от идеологии, которая могла бы обосновать законность его господства» (9, с. 231).

Тем самым С. Гоулднер подтверждает, а не опровергает старую истину — природность и потребность идеологии в обществе. В общественных отношениях есть своя логи-

ка: пока люди находятся в данных взаимоотношениях, они непременно будут чувствовать, думать и поступать именно так, а не иначе. Но если известно, в какую сторону изменяются общественные отношения (или имитируется их изменение) благодаря переменам в общественно-экономическом процессе производства, то, следовательно, известно (или прогнозируется) направление изменений общественной психики. Следовательно, господствующая в обществе группа политиков (собственников средств производства) может влиять на нее. «Влиять на социальную психику — значит влиять на исторические события, стало быть, в известном смысле можно делать историю, и нет надобности ждать, пока она «сделается» (7, с. 334).

Список использованной литературы

1. Halle, L. The ideological imagination. Ideological conflict in our time and its roots in Hobbes, Russia and Marx / L. Halle. L. : Chatto a. Winolus 1972. XIV, 174 p.
2. Обсуждение книги Т. И. Ойзермана «Оправдание ревизионизма» // Вопр. философии. 2006. № 4.
3. Brzezinski, Z. Between Two Ages. America's role in the Technetronic Era / Z. Brzezinski. N. Y., 1970. P. 74, 83.
4. Марксизм pro и contra. М. : Республика, 1992. 334 с.
5. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 3 / Г. В. Плеханов. М., 1957.
6. Фромм, Э. Душа человека / Э. Фромм. М. : Республика, 1992. 430 с. (Мыслители XX века).
7. Плеханов, Г. В. Избранные философские произведения : в 5 т. Т. 2 / Г. В. Плеханов. М., 1956.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 41.
9. Gouldner, A. The dialectic of ideology and technology. The origins grammar and future of ideology / A. Gouldner. N. Y. : Seabyry press, 1986. XVI, 304 p.

МАРКСИСТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Социальное действие является «атомом» деятельности. В теориях многих философов деятельность во всех ее проявлениях — ключевое понятие.

Феномен человеческой деятельности является одним из самых важных эмпирических и концептуальных оснований теории общественно-исторического развития, сформулированной К. Марксом и Ф. Энгельсом. По Марксу, мир человека возникает и изменяется постольку, поскольку люди производят и поддерживают свое существование посредством совместной деятельности. История, по Марксу, есть не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека и его индивидуальное развитие.

Основываясь на учении марксизма, можно выделить следующие виды социального действия: производственное, политическое, управленческое, познавательное, моральное, религиозное.

1. В системе социальных отношений особое место принадлежит действиям, осуществляемым в сфере материального производства. К. Маркс писал, что материальное производство, его «технология вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений» (1, с. 383).

Преобразование общества, отмечал К. Маркс, сводится не к «мозговой деятельности», а к материально-практической деятельности трудящихся. Именно они представляют главную производительную силу общества, «элемент активный, от которого исходит всякое историческое действие» (2, с. 94—95).

Актуальность изучения производственных действий индивидов обусловлена многими причинами. Во-первых,

без специального исследования производственных действий нельзя в полной мере осмыслить сущность и определяющую роль в жизни общества производственной деятельности людей.

Во-вторых, исследование специфики производственных действий имеет и относительно самостоятельное значение как в теоретическом, так и в практическом отношении. В теоретическом аспекте оно связано с дальнейшим изучением закономерностей функционирования и развития социальных действий. В практическом плане ценность такого познания заключена в выявлении возможных способов и средств оптимизации производственных действий.

Действие в сфере материального производства — это конкретные акты деятельности субъекта, направленные на преобразование предметов, средств и самого живого труда, а также отношений между людьми в процессе производства с целью получения определенных результатов, служащих удовлетворению его жизненных потребностей. Производственные действия обладают сложной структурой, содержанием, которые отражают их многокачественность, разнообразие, функциональную роль. Структура производственных действий, являясь относительно устойчивой системой связи определенных процессов и качеств, выступает как целое и в то же время как расчлененное на части (элементы). Взаимодействие присущих ей частей, частей и целого происходит в системе общественных, прежде всего производственных отношений.

Производственные действия отличаются от других в первую очередь качественными особенностями субъекта, преобразуемого объекта, реализуемыми целями, используемыми средствами и результатами действий. Объективная сторона этих действий определяется закономерностями развития преобразуемого объекта, используемыми средствами, объективными условиями осуществления действий. Субъективная сторона производственных действий зависит от состояния самого субъекта, реализации его творческого потенциала, постановки

людьми определенных целей и задач в соответствии с присущими им интересами, ценностными ориентациями, целями, идеалами и т.д. Эти характерные качества деятельностного состояния субъекта позволяет выразить категория социальной активности. Именно деятельностное состояние субъекта, социальная активность людей определяют специфику их действий. Последняя коренится в том, что «человек выбирает, принимает решение относительно своих действий в наличных условиях на основе определенных субъективных программ (включающих ценностные ориентации, цели, мотивы и т.д.), что и делает его уникальным существом» (3, с. 50).

Главным комплексным критерием степени развитости производственных действий является общественно значимый их результат. В развернутом виде критериями объективной стороны производственных действий могут служить: 1) производственные достижения; 2) производственная инициатива; 3) состояние дисциплины труда, уровень ее развития; 4) совершенствование отношений распределения, обмена, потребления.

Главным критерием субъективной стороны производственных действий выступает степень проявления сознательности индивида. Данный критерий раскрывается системой таких показателей, как: 1) осознание общественной значимости труда; 2) степень инициативного отношения к своим действиям; 3) общественная направленность действий, восприятие ее субъектом в соответствии с общественными и личными представлениями, ценностными ориентациями, идеалами; 4) мотивы действий, отражающие сложную иерархию и взаимосвязь внешних и внутренних побуждений, ценностных ориентаций личности.

Побудительной силой производственных действий являются прежде всего материальные потребности, которые выражают присущую человеку систему нужд и запросов в определенных условиях существования.

Социальные процессы и явления в сфере производства весьма многообразны, и производственные действия

занимают в них важное место. Особый интерес в связи с этим вызывает выявление соотношения таких феноменов, как производственное действие, трудовое действие и экономическое действие. Эти явления не тождественны, так как отражают определенные особенности преобразующих действий субъекта в сфере материального производства и в то же время содержат черты общего в своем содержании. Главное различие между трудовой деятельностью в сфере материального производства и производственными действиями можно обнаружить в том, что результатом первых является производство предметов и продуктов потребления, которые фиксируют непосредственную созидательность этих действий. Что же касается производственных действий, то их сфера и результат не замыкаются на производительном труде. Результатом их реализации является наряду с производством продуктов потребления совершенствование отношений распределения, обмена, потребления произведенных материальных ценностей.

Категории производственного действия и экономического действия также не идентичны и не могут заменить одна другую, хотя и тесно связаны между собой. Объектом любого экономического действия являются производственные отношения, возникающие в ходе реализации сложного процесса производства продукта от его изготовления до его потребления, т.е. отношения собственности, распределения, обмена, потребления. Производственные действия призваны производить и воспроизводить не только отношения людей к природе, но и производственные отношения в их органическом единстве. Производственно-экономические действия субъекта и сопряжены с воспроизводством, функционированием и совершенствованием отношений непосредственно в сфере материального производства.

В то же время упрочение или преобразование производственных отношений является объектом и конечной целью социальных действий людей вне сферы материального производства.

Экономические действия являются, таким образом, специфическим социальным действием. Экономические действия выступают непосредственной основой взаимосвязи и взаимоотношений всех других видов социальных действий.

2. Политическое действие — вид социального действия, который отличается особой сферой проявления активности субъектов, т.е. сферой политической.

Для выявления сущности и содержания категории политического действия необходимо установить ее место в структуре политики, ее отношения с такими важными политическими категориями, как политические отношения, политическая идеология, политическая организация общества и политическая деятельность.

Понятие политической деятельности более широкое, характеризующее политическую активность субъекта в целом и в ее непрерывности. Действие же представляет собой дискретную форму проявления деятельности в виде конкретного отдельного акта. Другими словами, политическая деятельность есть совокупность политических действий. Именно через действие обнаруживает себя политическая деятельность.

Категория политического действия выражает, следовательно, в системе политики совокупность таких связей и отношений, которые способствуют более глубокому пониманию других важных категорий политики: политические отношения, политическая организация общества, политическая идеология, политическая деятельность. Категория политического действия помогает глубже раскрыть сущность политики, которую можно представить как совокупность целенаправленных действий класса, партий, социальных групп.

В обобщенном плане политическое действие определяется как проявляющаяся в конкретных дискретных актах деятельность его носителей (субъектов) по преобразованию или сохранению политической структуры, сущности, на-

правленности, порядка функционирования существующей политической власти и политических отношений.

Таким образом, политическое действие есть результат, а также вид, форма активности его субъектов. Субъектами политического действия могут выступать организации и объединения, ставящие перед собой политические цели.

Объекты политического действия чрезвычайно многообразны. В их качестве могут выступать все явления и отношения социальной действительности, пронизанные классовыми или национальными интересами.

Политическое действие тесно связано с другими видами социальных действий, но особенно тесно оно связано с правовым действием. Правовая система и нормы возникают и функционируют под непосредственным влиянием политики. Одновременно правовые нормы регулируют определенные политические отношения.

Таким образом, в узко специфическом понимании правовое действие — это проявляющееся в конкретных актах поведение физических или юридических лиц (субъектов) по отношению к правовым предписаниям с точки зрения их соблюдения или несоблюдения.

В широком же смысле понятие правового действия определяется как отдельный акт деятельности классов, государства и его законодательных органов по установлению, отмене или изменению всей или частично системы правового регулирования, а также по изменению в желательном направлении деятельности, поведения, образа жизни целых групп и классов. В таком понимании правовое действие становится составной частью действия политического.

Для более глубокого и всестороннего анализа сущности и содержания политического действия важно вычленив внутреннюю организацию, т.е. структуру данной категории. Категория политического действия интегрирует в себе наиболее общие черты и свойства многообразных конкретных актов, а каждый такой акт представляет собой не что иное, как форму политического действия, которая вы-

ступает исходным структурным элементом категории политического действия.

Группировка форм по тем или иным основаниям позволяет выделить различные виды политического действия.

Так, деление политики на крупные области может послужить основанием для выделения таких видов политических действий, как государственное, аграрное, социально-экономическое, национальное и т.д. В соответствии с тем, как политика делится на внешнюю и внутреннюю, образуются два основных вида действий: внешнеполитическое и внутривнутриполитическое.

Формы политического действия по своему содержанию имеют неравнозначную направленность. С этой точки зрения их можно разделить на следующие три группы (или вида).

К первой группе следует отнести те формы политического действия, которые направлены на создание и поддержание нормального функционирования конкретной системы политической власти. Например, выборы в органы власти, политические репрессии, политическая пропаганда и агитация и пр.

Те формы политического действия, которые имеют характер социального отрицания и направлены на упразднение части или в целом каких-то институтов политической власти и даже всей их системы, образуют вторую группу. В нее входят: революция и контрреволюция, восстание, переворот, гражданская война и пр.

Субъекты политического действия заинтересованы в создании новых институтов и отношений политической реальности. А для этого требуются особые формы политического действия, которые имеют характер социального творчества и которые следует отнести к третьей группе (виду). К числу таких форм политического действия можно отнести принятие новой конституции, реформу органов власти и управления и др. Разумеется, проведенное различие видов политического действия носит весьма условный характер.

По степени реализации основных политических интересов классов формы политического действия классифицируются на высшие (или радикальные) и нерадикальные. К высшему виду относятся такие, как революция, восстание, переворот и т.п., которые прямо решают проблему власти. К нерадикальным действиям принадлежат формы, только подготавливающие к этому, разрешающие политические проблемы классов частично.

Политические действия можно разделить на практические и теоретические. Для теоретического политического действия характерен прогнозирующий момент. На этом этапе идет процесс выработки теорий, идей, политических целей. На втором этапе идет практическая их реализация.

Таким образом, структура политического действия является довольно многогранной. Изучение диалектики взаимодействия различных форм, видов, типов политических действий составляет основу выявления существующих в нем закономерностей. В свою очередь познание этих закономерностей способствует более глубокому пониманию практики политической жизни современности, а также дальнейшей разработке теории политики.

3. Управленческое действие следует рассматривать как вид социального действия, специфика которого в значительной мере определяется сферой деятельности субъекта — сферой социального управления.

Под социальным управлением в широком смысле следует понимать управление всеми общественными процессами; в более узком — особый вид общественного управления, которое наряду с социальным включает в себя также экономическое, политическое, духовно-идеологическое управление. Под объектом социального управления понимаются отношения между людьми, их коллективами как носителями качественно различных видов труда.

Социальное управление есть прежде всего управление людьми. Одной из главных черт социального управления является его сознательный характер. Уровень сознательно-

сти повышается с развитием производства, общественных отношений, прогрессом знаний и культуры.

Управленческие действия различаются в зависимости от сферы активности субъекта социального действия. Можно выделить экономический, социально-политический, духовно-идеологический типы управленческого действия как наиболее масштабные его разновидности.

Под социальным управлением понимается воздействие на общество в целом или на отдельные его звенья, с тем чтобы обеспечить сохранение их качественной специфики, их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение к заданной цели.

Управленческое действие организует целостность системы как гармоническое единство посредством регулирования соотношения общности и различия ее сторон, частей, элементов.

Основная задача социального управления — сохранение и упрочение социального организма, обеспечение его нормального функционирования — выполняется управленческим действием через организацию единства и целостности системы. Наиболее ответственный момент управленческого действия — поиск и принятие решения. От него в существенной степени зависит характер всего управленческого цикла, мера совпадения цели и результата.

В процессе выработки управленческого решения особое значение имеет определение цели практического действия. Определяя управленческую цель, субъект соотносит требования социальной задачи с конкретными условиями, содержащими средства ее реализации. Выбираются наиболее оптимальные методы реализации цели.

Существенной особенностью управленческого действия является его всеобщность и комплексность.

Субъекты управленческого действия — отдельные личности, партии, государства, коллективы и др. Объекты — люди, социальные общности, классы, регионы, общество в целом. Действия субъектов носят директивный характер.

Между субъектом и объектом управленческого действия существуют сложные диалектические отношения. Объект в значительной степени определяет структуру и характер управленческого действия субъектов.

Резюмируя изложенное, отметим, что изучение управленческого действия как специфического вида и момента социальной деятельности имеет значение в обогащении методологического инструментария теории социального управления.

4. Познавательное действие может быть определено как момент (поведенческий акт, операция, процедура) в духовной деятельности субъекта, направленный на объект познания с целью получения достоверных сведений о нем или с целью выбора дальнейшего поведения.

Поскольку процесс познания не сводится только к движению от незнания к знанию, а предполагает также расширение, углубление и уточнение уже имеющихся знаний, постольку познавательное действие не следует рассматривать лишь как акт утверждения нового на пути к истине. Необходимо включать в него также момент отрицания старого, относительно-истинного, ошибочного, приблизительного в уже имеющемся арсенале науки.

Особенность познавательного действия состоит в его четкой целенаправленности, динамизме, проявляющемся в поиске более адекватных способов интеллектуального освоения действительности.

В зависимости от цели исследования можно предложить следующую классификацию познавательных действий:

- 1) теоретические действия. Они направлены на решение научных проблем, создание теории, открытие закона и др.;
- 2) эмпирические действия. Их основная цель — разработать способы связи теории и практики, методы применения достижений науки практической деятельности и т.д.;
- 3) методологические действия. Они направлены на создание или разработку методологии познания, логики открытия, системосозидающих принципов и процедур научного мышления;

4) репродуктивные действия. Направлены на совершенствование системы образования, методики преподавания.

Под субъектом познавательного действия понимается индивид, группа, коллектив людей, руководимых стремлением к получению новых знаний, информации о событиях и процессах действительности.

Объектом познавательного действия выступает в каждый отдельный момент лишь часть, сторона, фрагмент исследуемой реальности. Объектом познавательного действия может быть природный процесс, общественное явление, человек, его мышление и пр.

Предмет же познавательного действия — это фрагмент объекта познания, который формируется в ходе познавательного действия по мере проникновения последнего в сущность все более глубокого порядка.

5. Моральные действия есть особый, относительно самостоятельный элемент морали.

Субъектом морального действия может быть отдельный человек, коллектив, класс, общество. В качестве объекта морального действия выступает то явление, на которое направлено данное действие. Таким объектом выступает прежде всего человек.

Специфика морального действия состоит в том, что этот вид деятельности субъекта материализуется через другие виды действий.

6. Религиозное действие можно определить как конкретный акт духовно-практической деятельности людей, обусловленный религиозным сознанием и направленный на достижение помощи от сверхъестественных сил. К религиозным действиям относятся действия людей, связанные с производством религиозных идей и их распределением, исполнением религиозных норм и предписаний, культовые действия и пр.

По своему содержанию религиозные действия можно разделить на следующие виды:

- культовые действия;
- действия религиозных общностей;

- действия, связанные с неукоснительным соблюдением религиозных норм;

- действия религиозных организаций.

Подводя итог, следует сказать, что в ходе исторического процесса данная классификация доказала свою состоятельность. Ею и сегодня активно пользуются философы, социологи, историки и др. Прошедшее после смерти Маркса время подтвердило правоту ряда его взглядов и вместе с тем показало необоснованность многих его прогнозов.

Список использованной литературы

1. Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 23. М. : Госполитиздат, 1960.
2. Маркс, К. Сочинения : в 39 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 2. М. : Госполитиздат, 1955.
3. Сагатовский, В. Н. Деятельность как философская категория / В. Н. Сагатовский // Филос. науки. 1978. № 2.

Н. И. Степанова

МАРКСИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Экономические теории в девиантологии и криминологии вполне обоснованно связывают с именами К. Маркса и Ф. Энгельса. Не игнорируя философию и не перечеркивая значение науки, марксизм заявил о себе как оригинальная концепция познания общественного развития и разрешения проблем классического капитализма. Поэтому одной из первых концепций, которая подвела под проблему отклоняющегося поведения социальную платформу, стала экономическая концепция девиации.

Маркс одним из первых в XIX столетии обратил внимание, в частности, на феномен преступности не с точки зрения антропологии и статистики, а с социально-политических, точнее классовых, позиций.

Как известно, его научные взгляды формировались во многом под впечатлением «зверств первоначального накопления» капитала в Европе: массовое разорение крестьянства, рост нищеты в городах, обогащение узкого слоя буржуазии, которые происходили одновременно со стремительным ростом преступности и других видов девиантного поведения.

Выступая за революционный путь изменения социального строя, упразднение частной собственности на средства производства, отказ от буржуазных экономических отношений, он дал начало конфликтно-радикальной парадигмы в социологии, а в ее рамках заложил основы марксистской концепции девиантного поведения. Несмотря на то, что Маркс относительно мало писал непосредственно о социальных отклонениях, он рассматривал эти проблемы капиталистического общества в рамках социоцентрической, социологической ориентации.

Уже в «Манифесте коммунистической партии» были отражены основные идеи экономического детерминизма, а различные формы девиации, такие как преступность, пьянство, проституция, бродяжничество и даже самоубийства, выступали побочным продуктом экономических условий. При этом исследователь придавал объективным феноменам капиталистической эксплуатации — обнищанию и преступности — не относительное, а абсолютное значение. Преступность в капиталистическом обществе, по Марксу, — неустранимое явление. Он писал, что «подобно праву, преступление... коренится в тех же условиях, что и существующее господство» (1, с. 232).

На основе анализа демографических, экономических показателей и данных уголовной статистики К. Маркс четко определяет причины преступлений: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения... Нарушение закона

является обычным результатом экономических факторов, не зависящих от законодателя; однако... от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков... Само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их» (2, с. 515—516).

К. Маркс, возможно, впервые обратил внимание на существование корреляционных зависимостей между убийствами и самоубийствами, между убийствами, самоубийствами и ... смертной казнью. Он пишет: «Не только самоубийства, но и самые зверские убийства совершаются тотчас же вслед за казнью преступников... Весьма трудно, а может быть, вообще невозможно найти принцип, посредством которого можно было бы обосновать справедливость или целесообразность смертной казни в обществе, кичащемся своей цивилизацией. Наказание, как правило, оправдывалось как средство либо исправления, либо устрашения. Но какое право вы имеете наказывать меня для того, чтобы исправлять или устрашать других? И вдобавок еще история и такая наука, как статистика, с исчерпывающей очевидностью доказывают, что со времени Каина мир никогда не удавалось ни исправить, ни утратить наказанием. Как раз наоборот!» (2, с. 530). Вот это «как раз наоборот» чрезвычайно важно. И сегодня многие исследователи склоняются к тому, что скорее жестокость наказаний порождает жестокость преступлений, чем наоборот.

В ряду ярких марксистских исследований девиантного поведения находится известная работа Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», содержащая огромный фактический материал, в том числе о преступности, пьянстве, проституции как следствии условий жизни английских рабочих (3, с. 231—517). В этой монографии Энгельс называет преступление «наиболее грубой и самой бесплодной формой... возмущения» (3, с. 364). По Энгельсу, преступность — это проявление социальной войны,

когда «каждый стоит за себя и борется против всех остальных... И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от года все яростнее, ожесточеннее и неприимее» (3, с. 364).

На основе анализа английской действительности Ф. Энгельс делает вывод: «Для большого города или для целого округа можно с достаточной точностью заранее предсказать, как это нередко делалось в Англии, ежегодное число арестов, уголовных преступлений, даже число убийств, краж со взломом, мелких краж и т.д. Эта регулярность доказывает, что и преступность управляется конкуренцией; что общество порождает спрос на преступность, который удовлетворяется соответствующим предложением...» (4, с. 570).

С позиций марксизма, рабочий крадет от нужды и бедности, тем самым он осознанно или неосознанно выражает протест против эксплуатации. Фактически Энгельс опубликовал одно из первых самостоятельных социологических исследований в рамках марксизма проблемы преступности, где явно обоснована социально-классовая сущность преступного поведения.

Описывая преступность как протест рабочего класса против капиталистов в форме бесплодной классовой борьбы, Энгельс находит причины социальных отклонений прежде всего в экономических условиях современного ему капиталистического общества.

Дальнейшее развитие марксистской концепции девиантного поведения в XIX веке было сделано голландским социальным мыслителем Виллемом Бонгером. В книге «Преступность и экономические условия» он обосновывает роль капиталистической экономической системы в генезисе преступности. По его мнению, преступность сосредоточена в низших слоях общества, поскольку законодатель криминализирует деяния, порожденные бедностью и нищетой. Бонгер приводит статистические данные по ряду стран, доказывая связь таких преступлений, как бродяжничество и нищенство, с безработицей. Причины преступлений он

увидел в экономическом эгоизме, порождаемом капиталистическим обществом. Такое общество создает условия, при которых эгоистические цели преследуются за счет других людей противоправными средствами. Бонгер возлагает надежды на социалистическое переустройство общества.

Во многих странах в конце XIX — начале XX века были проведены криминологические исследования динамики корыстной преступности и цен на хлеб (зерно) как основного для того времени экономического показателя. Наблюдаются устойчивые корреляционные связи: чем выше цена на хлеб, тем выше уровень преступности. Одно из первых таких исследований провел Майер в Баварии за 1836—1861 гг. По данным Майера, увеличение на полпенни цены на рожь влекло рост уровня преступности на одну пятую.

О связи преступности и цен на мешок муки, а также количества банкротств, которое выступает еще одним экономическим показателем, во Франции 1840—1886 гг. свидетельствует статья Лафарга.

В наши дни экономическое направление в обосновании преступности и иных девиантных проявлений развивают лауреат Нобелевской премии по экономике Беккер и его последователи.

Важное различие между концепцией девиантного поведения марксизма и других социологических теорий состоит в том, что Маркс не скрывал политико-идеологической ориентации своего социально-классового, экономического детерминизма девиантности. Идеология была органически вплетена в структуру теоретического анализа. Этот подход, как оказалось в последующем, весьма ограниченно объясняет феномен преступлений в современном капиталистическом обществе, поскольку абсолютизирует роль социально-экономических факторов и условий и недооценивает значение социокультурных переменных. Современными марксистами радикализируются и меры социального контроля в борьбе с социальным злом. По их представлениям, преодолеть преступность можно лишь путем революции

онной ликвидации капиталистических общественных отношений и социальных противоречий буржуазного общества.

Именно поэтому современные исследователи, критикуя марксистскую концепцию девиантного поведения, упрекают ее сторонников за идеи чрезмерной экономической детерминации преступности, политического конфликта, а также излишней идеологизации проблемы отклонений.

Марксистская концепция девиантного поведения, несмотря на критику, получила в XX столетии дальнейшее развитие в работах социологов и криминологов — сторонников неомарксизма и радикально-конфликтологической парадигмы (Куинни, Янг, Колвин и др.). А разработанные К. Марксом концепция отчуждения, теория противоречий и конфликтов как «двигателей истории», учение о классовых различиях и роли социально-экономического статуса в детерминации поведения человека, несомненно, имеют девиантологическое значение и до сих пор используются в современной науке.

Список использованной литературы

1. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13.
3. Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2.
4. Энгельс, Ф. Наброски к критике политической экономии / Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.

СТОИТ ЛИ ПЕРЕЧИТЫВАТЬ МАРКСА?

Обзор современной периодической литературы

1. Ахиезер, А. С. Марксова концепция воспроизводства в свете современной философии и науки / А. С. Ахиезер // *Философия и общество*. 2006. № 4. С. 40—60.

2. Вульфсон, Б. П. Марксизм и проблемы нравственного воспитания / Б. П. Вульфсон // *Педагогика*. 2003. № 6. С. 3—15.

3. Джохадзе, Д. В. Марксизм-ленинизм в постсоветской России. По следам Всероссийской научно-практической конференции «Марксизм-ленинизм в 21 веке и перспективы развития России» (Москва, Ин-т философии РАН, 26—27 апр. 2001 г.) / Д. В. Джохадзе // *Философия и общество*. 2001. № 4. С. 220—230.

4. Жукоцкий, В. Д. Русская реформация XX века: логика исторической трансформации атеистического протестантизма большевиков / В. Д. Жукоцкий // *ОНС*. 2004. № 3. С. 89—101.

5. Зотов, В. Д. От какого марксизма мы отказываемся? / В. Д. Зотов // *Социально-гуманитарные знания*. 2001. № 1. С. 248—267.

6. Кондрашов, П. Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации / П. Н. Кондрашов // *Философия и общество*. 2006. № 3. С. 98—116.

7. Косицина, Ф. П. Методологическое обеспечение экономической реформы: так ли уж устарел марксизм? / Ф. П. Косицина // *Философия и общество*. 2002. № 4. С. 79—100.

8. Косолапов, Р. Капитал и труд. Популярное извлечение из «Капитала» Маркса, выполненное Иоганном Мостом (1876 год) / Р. Косолапов // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7*. 2002. № 3. С. 26—90.

9. Любутин, К. Н. О философии Маркса и философии Энгельса / К. Н. Любутин // *Философия и общество*. 2004. № 1. С. 166.

10. Любутин, К. Н. Социально-философские основания периодизации истории и концепции К. Маркса / К. Н. Любутин // *Философия и общество*. 2007. № 4. С. 51—68.

11. Метлов, В. И. Симпозиум, посвященный перспективам марксистской философии в 21 столетии / В. И. Метлов // *Философия и общество*. 2001. № 2. С. 167.

12. Митрохин, Л. Н. Из бесед с академиком Ойзерманом. Академик Ойзерман: новые размышления о марксистской философии / Л. Н. Митрохин, А. Циньянь // *Вопр. философии*. 2004. № 5. С. 33—84.

13. Мусаелян, Л. А. Концепция исторического процесса К. Маркса: человеческий контекст / Л. А. Мусаелян // *Философия и общество*. 2007. № 3. С. 61—81.

14. Ойзерман, Т. И. Догматизация марксизма и внутренне присущий марксизму догматизм / Т. И. Ойзерман // *Вопр. философии*. 2003. № 2. С. 31—41.

15. Ойзерман, Т. И. Марксистская концепция социализма и реальный социализм / Т. И. Ойзерман // *Вопр. философии*. 2002. № 3. С. 16—32.

16. Осадчая И. Стоит ли перечитывать Маркса? / И. Осадчая // *Наука и жизнь*. 2002. № 4. С. 56—62.

17. Основные этапы и направления философской мысли // *Философия* / под ред. В. Н. Лавриненко. М., 2003. С. 29—309.

18. Попов, Л. А. Нравственное воспитание и марксизм / Л. А. Попов // *Педагогика*. 1994. № 2. С. 40—42.

19. Самарская, Е. А. Маркс, Гегель и коммунизм / Е. А. Самарская // *Вопр. философии*. 2004. № 8. С. 70—82.

20. Фурс, В. Н. Рецепция идей Маркса в современной критической теории / В. Н. Фурс // *Общественные науки и современность*. 2002. № 5. С. 115—131.

21. Цыганков, П. А. Тенденции классических парадигм в западной теории международных отношений / П. А. Цыганков // *ОНС (Общественные науки и современность)*. 2004. № 2. С. 119—131.

22. Шевченко, В. Н. Марксизм: история и современность (первый китайско-российский форум на тему: «Марксизм: история и современность») / В. Н. Шевченко // *Вопр. философии*. 2007. № 5. С. 176—182.

23. Этика Маркса, Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, Фейербаха (Очерк истории этики) / под ред. Б. А. Чагина. М., 1969. С. 189—216.

Авторы-составители: *Г. Н. Тимофеева, Е. В. Ерошенко*,
библиотека ОГПУ, 2-й учебный корпус ОГПУ

Краткие сведения об авторах

Базарова Е. О., аспирант кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Воропаев Д. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Ефименко М. Н., доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и религиоведения ОГПУ

Казеннова О. И., аспирант кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Калиева А. Т., аспирант кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Кучкин Б. К., кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и политологии ОИБиУ

Ломакина Л. И., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Лыжин А. В., кандидат экономических наук, доцент ОГПУ

Полишкова Л. Б., кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Свириденко И. Н., аспирант кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Степанова Н. И., кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и религиоведения ОГПУ

Научное издание

Марксизм и современность: особенности дискурса

Сборник статей

Редактор Р. Д. Иванченко

Технический редактор Е. С. Рожкова

Подписано в печать 24.10.2008 г.

Усл. печ. л. 5,8

Тираж 500 экз.

